МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. ФОНВИЗИНА.

ПОСМЕРТНЫЙ ТРУДЪ

АКАДЕМИКА

Н. С. ТИХОНРАВОВА.

Изданіе Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1894.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1894 г. Непрем. Секр., Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Драматическія произведенія Фонвизина.

II. Сочиненія, приписываемыя Фонвизину.

1-го декабря 1892 года исполнилось сто лѣтъ со дня кончины Дениса Ивановича Фонвизина. Въ виду этой годовщины, весною того же года, академикъ Н. С. Тихонравовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ занимавшійся изученіемъ произведеній этого писателя, предложилъ Отдѣленію русскаго языка и словесности издать въ свѣтъ составленные имъ матеріалы для полнаго собранія сочиненій знаменитаго автора „Бригадира“ и „Недоросля“. Предложеніе это было принято Отдѣленіемъ съ полнымъ сочувствіемъ, и въ половинѣ 1892 года Николай Саввичъ уже приступилъ къ печатанію своего сборника на средства Отдѣленія.

По плану Н. С. Тихонравова, въ составъ этого изданія должны были войдти:

I) драматическія произведенія Фонвизина, издававшіяся до сихъ поръ съ искаженіемъ текста, именно: трагедія „Альзира“ и комедія „Коріонъ“, или печатаемыя обыкновенно, какъ „Бригадиръ“ и „Недоросль“, только въ позднѣйшемъ текстѣ, также искаженномъ;

II) сочиненія и переводы Фонвизина, вовсе не бывшіе въ печати или не включенные ни въ одно изданіе его произведеній;

наконецъ, III) сочиненія, приписываемыя Фонвизину.

Къ издаваемымъ текстамъ составитель сборника предполагалъ присоединить варіанты и описаніе употребленныхъ при изданіи рукописей, а при переводахъ — сравненіе отдѣльныхъ мѣстъ Фонвизинскаго текста съ подлинниками. Сверхъ того, въ сборникѣ должно было найдти себѣ мѣсто особое изслѣдованіе Н. С. Тихонравова о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ издаваемаго имъ писателя.

До осени 1893 года Николай Саввичъ успѣлъ отпечатать двадцать листовъ предположеннаго сборника, заключавшіе въ себѣ почти весь первый отдѣлъ его, то-есть, трагедію и комедіи Фонвизина, съ подобранными къ ихъ тексту разночтеніями. 14-го октября Николай Саввичъ подписалъ послѣднюю читанную имъ корректуру и еще въ началѣ ноября извѣщалъ о ходѣ своихъ занятій; но вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе о тяжкой постигшей его болѣзни, отъ которой онъ и скончался 27-го ноября. Такимъ образомъ трудъ Н. С. Тихонравова надъ сочиненіями Фонвизина, какъ и многіе другіе труды его, остался не довершеннымъ. Въ распоряженіи Отдѣленія оказалась лишь небольшая часть высланнаго покойнымъ академикомъ матеріала, еще не поступавшая въ печать, именно — окончаніе текста „Недоросля“, съ подведенными къ нему варіантами; но ни примѣчаній къ I-му отдѣлу, ни какихъ-либо матеріаловъ для другихъ отдѣловъ, ни наконецъ обѣщаннаго изслѣдованія доставлено не было,

а доступъ къ бумагамъ скончавшагося академика сдѣлался совершенно невозможнымъ. Не смотря однако на эти затрудненія, Отдѣленіе не пожелало оставить почтеный трудъ своего покойнаго сочлена не обнародованнымъ. Такъ какъ планъ сборника былъ извѣстенъ Отдѣленію въ общихъ чертахъ, а кромѣ того, Николай Саввичъ, при послѣднемъ свиданіи со мною въ Москвѣ, въ сентябрѣ 1893 года, сообщилъ нѣкоторыя подробности о дальнѣйшемъ составѣ сборника, то признано было возможнымъ придать работѣ, предпринятой покойнымъ, нѣкоторую законченность. Исполненіе этого порученія Отдѣленіе возложило на меня.

Къ I-му отдѣлу сборника составлены мною примѣчанія; въ нихъ вошли: 1) описаніе тѣхъ рукописей и печатныхъ книгъ, которыми Н. С. Тихонравовъ пользовался при составленіи текста этого отдѣла, и 2) дополненія къ подбору разночтеній; болѣе обширныя изъ послѣднихъ, какъ видно изъ подстрочныхъ ссылокъ, Николай Саввичъ предполагалъ помѣстить въ примѣчаніяхъ; такъ мною и сдѣлано.

Составленіе II-го отдѣла сборника по плану, намѣченному нашимъ покойнымъ сочленомъ, оказалось невозможнымъ, такъ какъ совершенно не изданныхъ сочиненій и переводовъ Фонвизина неизвѣстно Отдѣленію, а относительно существующихъ въ печати, но не включавшихся доселѣ въ собранія его произведеній, не имѣется указаній, какія именно изъ этихъ статей Николай Саввичъ признавалъ заслуживающими перепечатки. Несомнѣнно только то, что онъ не имѣлъ въ виду вносить въ свой сборникъ такіе объемистые переводы Фонвизина, какъ „Жизнь

Сиѳа", „Любовь Кариты и Полидора" и проч. Напротивъ того, представлялось умѣстнымъ помѣстить въ настоящемъ изданіи тѣ статьи, которыя покойный академикъ относилъ къ III-му отдѣлу сборника подъ названіемъ приписываемыхъ Фонвизину. Въ этотъ отдѣлъ, который занялъ теперь въ сборникѣ второе мѣсто, включены два произведенія, именно: стихотвореніе „Чертикъ на дрожкахъ" и сатирическая статья „Повѣствованіе мнимаго Глухаго и Нѣмаго". Принадлежность ихъ Фонвизину указывается стариннымъ преданіемъ, которому, сколько мнѣ извѣстно, Николай Саввичъ придавалъ значеніе въ данномъ случаѣ. Отдѣлъ этотъ могъ бы быть увеличенъ еще двумя статьями, также приписываемыми по преданію Фонвизину, именно: памфлетомъ на купца Чупятова, извѣстнымъ подъ заглавіемъ: „Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку"[1]), и политическою запиской „О правѣ государственномъ". Но новыя изслѣдованія и вновь открытыя данныя окончательно устраняютъ предположеніе, что вышеупомянутый памфлетъ сочиненъ Фонвизинымъ; что же касается политической записки, то хотя составленіе ея авторомъ „Недоросля" и представляется довольно вѣроятнымъ, однако изданный текстъ ея, помѣщенный въ „Историческомъ сборникѣ" (Лондонъ. 1861, книжка

---

[1]) Первое изданіе этой книжки вышло въ Петербургѣ въ 1780 году, а второе, подъ заглавіемъ: «Житіе господина NN, служащее введеніемъ въ исторію его въ царствѣ мертвыхъ» и съ значительнымъ измѣненіемъ въ редакціи, появилось также въ Петербургѣ въ 1781 году. Оба изданія имѣются въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Н. С. Тихонравовъ, въ своемъ разборѣ Смирдинскаго изданія произведеній Фонвизина (*Московскія Вѣдомости* 1853 г., № 6) отвергалъ сочиненіе этого памфлета авторомъ «Недоросля».

вторая), не можетъ быть признанъ заслуживающимъ полнаго довѣрія. Въ виду такихъ соображеній обѣ названныя статьи не помѣщены въ настоящемъ изданіи. Въ составленныхъ мною примѣчаніяхъ ко II-му отдѣлу сборника изложены соображенія, на основаніи которыхъ принадлежность помѣщенныхъ здѣсь статей Фонвизину можетъ быть признана болѣе или менѣе вѣроятною.

Въ замѣнъ обѣщаннаго Н. С. Тихонравовымъ новаго изслѣдованія о сочиненіяхъ Фонвизина, въ началѣ сборника дано мѣсто болѣе раннему труду нашего покойнаго сочлена, біографіи знаменитаго сатирика, написанной Николаемъ Саввичемъ для оставшейся не изданною біографической лѣтописи питомцевъ Московскаго университета. Изданіе этой лѣтописи, предпринятое въ 1854 году по случаю предстоявшаго 12-го января слѣдующаго года празднованія столѣтняго юбилея университета, не осуществилось въ свое время; но въ отпечатанныхъ листахъ I-го тома лѣтописи сохранился тотъ трудъ Н. С. Тихонравова, который теперь перепечатанъ; онъ заслуживалъ переизданія не только какъ одинъ изъ начальныхъ трудовъ молодого ученаго, оказавшаго впослѣдствіи столь важныя услуги изученію русской литературы, но и какъ самостоятельное изысканіе о дѣятельности Фонвизина, богатое фактическими данными и основательными соображеніями, донынѣ имѣющими научную цѣнность и сохраняющими въ значительной степени интересъ новизны. „Біографія Фонвизина“ перепечатана безъ всякихъ измѣненій; въ ней лишь исправлены случайныя описки и опечатки, оказавшіяся въ первомъ изданіи, ссылки и цитаты провѣрены по подлинникамъ, а

для фамиліи автора „Недоросля“ принято написаніе въ одномъ словѣ, нынѣ общеупотребительное.

Въ заключеніе считаю долгомъ сказать, что трудъ мой по выпуску настоящаго сборника въ свѣтъ былъ значительно облегченъ обязательнымъ содѣйствіемъ двухъ учениковъ Н. С. Тихонравова, близко знакомыхъ съ ходомъ этой его работы и сообщавшихъ мнѣ различные, относящіеся до нея, матеріалы и свѣдѣнія. Отъ имени второго Отдѣленія Академіи Наукъ позволяю себѣ выразить искреннюю признательность хранителю отдѣленія рукописей въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ Семену Осиповичу Долгову и библіотекарю Россійскаго Историческаго музея Алексѣю Ивановичу Станкевичу.

Л. Майковъ.

Біографія Д. И. Фонвизина.

Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ, родился въ 1744 году[1]). Отецъ его, Иванъ Андреевичъ, хотя и не отличался блестящимъ образованіемъ, но былъ человѣкъ «большаго здраваго разсудка» и понималъ необходимость просвѣщенія. Свободный отъ вліянія иностранцевъ, онъ сохранилъ въ себѣ лучшія стороны стараго русскаго воспитанія и прежнихъ нравовъ, не становясь противникомъ европейскаго просвѣщенія. Напротивъ, желаніе познакомиться съ произведеніями иностранной литературы было въ немъ довольно сильно, и наша богатая въ прошломъ столѣтіи переводная литература предлагала къ тому важныя пособія. Правда, немногіе русскіе переводы того времени могли похвалиться изяществомъ языка, красотою формы; но они были разнообразны и передавали русскимъ читателямъ почти всѣ лучшія произведенія иностранныхъ литературъ. Черезъ нихъ неза-

---

1) Это показаніе князя П. А. Вяземскаго подтверждается собственными словами Фонвизина: въ 1758 году Мелиссино отправился съ лучшими учениками въ Петербургъ для представленія ихъ Шувалову; Фонвизинъ говоритъ, что тогда онъ былъ не старѣе четырнадцати лѣтъ. Сочиненія Фонвизина, изд. 3-е А. Смирдина, стр. 507 (1852 г.). Всѣ ссылки сдѣланы на это изданіе.

мѣтно распространялись у насъ идеи гуманизма въ кругу людей, не получившихъ прочнаго, правильнаго образованія; черезъ нихъ вліяніе литературы французской на нашу парализировалось знакомствомъ съ литературою древнихъ и нѣкоторыми произведеніями словесности нѣмецкой, испанской, италіанской.

Уже въ дѣтствѣ будущій авторъ «Недоросля» обнаружилъ особенную чувствительность, пылкость характера, хитрость, — свойства, которыми можно объяснить нѣкоторыя явленія въ его разнообразной литературной дѣятельности. Въ семействѣ, сохранившемъ привязанность къ старому образу жизни, совершилось первоначальное воспитаніе Фонвизина безъ всякаго вліянія иностранныхъ гувернеровъ, и этимъ онъ обязанъ, конечно, не своему времени, когда будто бы ребенокъ долѣе былъ окруженъ русскою атмосферою, чѣмъ теперь, но тому, что родители его были люди стараго времени, старыхъ обычаевъ, и притомъ небольшаго достатка. Въ отцѣ своемъ Фонвизинъ видѣлъ примѣры многихъ добрыхъ чертъ старой Руси. Онъ самъ характеризуетъ отца своего человѣкомъ стараго времени и его достоинства приписываетъ иногда старинѣ [1]). Въ немъ самомъ любовь къ добрымъ сторонамъ старой русской жизни такъ сильна, что онъ постоянно противополагаетъ ее своему времени [2]), «нынѣшнему обращенію свѣта», какъ онъ выражается: здѣсь объясненіе роли Стародума, образъ мыслей котораго былъ девизомъ Фонвизина; поэтому предполагаемый журналъ свой онъ назвалъ *Другомъ честныхъ людей или Стародумомъ* [3]).

Благодаря издавна вкоренившимся пріемамъ русскаго воспитанія, Иванъ Андреевичъ владѣлъ практическимъ знаніемъ славяно-церковнаго языка. Въ четыре года началъ онъ учить сына грамотѣ, и какъ скоро онъ научился читать, отецъ заставлялъ его читать у крестовъ. «Сему обязанъ я», говоритъ Денисъ

1) Сочиненія Фонвизина, стр. 491—493.
2) Тамъ же, стр. 645.
3) Тамъ же, стр. 599.

Ивановичъ,—«если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе: ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать не возможно». Иностраннымъ языкамъ не могъ научить сына Иванъ Андреевичъ, потому что самъ ихъ не зналъ, а нанимать для того учителей былъ не въ состояніи. Открытіе Московскаго университета доставило ему возможность дать дѣтямъ болѣе полное образованіе, и «не мѣшкая ни сутокъ», онъ отдалъ двухъ сыновей своихъ, Дениса и Павла, въ гимназію Московскаго университета (въ 1755 году).

Уже въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія университетъ далеко не былъ въ томъ не очень утѣшительномъ состояніи, въ какомъ зналъ его одиннадцатилѣтній Фонвизинъ. То было лишь время его зарожденія, время первыхъ усилій его на пользу русскаго образованія; мы можемъ только замѣчать съ полнымъ любопытствомъ первые нетвердые шаги его, слѣдовать съ любовію за его дальнѣйшимъ ходомъ, но не упрекать и не глумиться надъ его первоначальнымъ состояніемъ. И при всемъ томъ, даже въ это время онъ оказалъ на Фонвизина благотворное вліяніе. Здѣсь Денисъ Ивановичъ узналъ основательно нѣмецкій языкъ, благодаря особенно профессору Рейхелю; здѣсь выучился онъ латинскому языку, который процвѣталъ, благодаря образцовымъ лекціямъ Шадена въ гимназіи. Но не этимъ, такъ сказать, формальнымъ знаніемъ ограничилось образованіе Фонвизина въ университетѣ: оно развило въ немъ «вкусъ къ словеснымъ наукамъ»[1]). Фонвизины считались лучшими учениками дворянской гимназіи университета. 26-го апрѣля 1756 года Д. Фонвизинъ въ публичномъ собраніи университета получилъ медаль за прилежаніе[2]). Какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ гимназіи, Фонвизинъ, по обычаю того времени, принималъ участіе въ рѣчахъ и диспутахъ, происходившихъ во время университетскихъ актовъ. Въ одномъ объявленіи читаемъ: «Денисъ Фонъ-Визинъ стараться

1) Собственныя слова Д. И. Фонвизина. Сочиненія, стр. 500.
2) Прибавленіе къ 1-му № *Моск. Вѣдомостей* 1756 г., стр. 4.

будетъ показать щедрость и прозорливость Его Императорскаго Величества, всещедрой музъ Основательницы и Покровительницы». Также, 12-го іюля 1757 года, «въ заключеніе ученій передъ лѣтнею вакаціею, въ публичномъ собраніи университета между прочимъ ученики гимназіи Иванъ Шмаевскій, Яковъ Дашковъ, Денисъ Фонъ-Визинъ и Николай Ефимовъ имѣли рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ: первый—о томъ, что науки полезны всему государству и народу, а прочіе трое—о наилучшемъ способѣ къ обученію языковъ»[1]). Такіе диспуты въ первые годы существованія университета происходили довольно часто и, по видимому, пользовались большимъ уваженіемъ, хотя теперь странно было бы слышать, какъ четырнадцатилѣтній ребенокъ разсуждаетъ о лучшемъ способѣ изученія языковъ. Въ іюлѣ того же года директоръ Московскаго университета отправился съ лучшими изъ воспитанниковъ университета и его гимназіи въ Петербургъ, но въ числѣ ихъ не было Фонвизина[2]). 27-го апрѣля 1758 года, въ публичномъ же собраніи университета, Д. Фонвизинъ показанъ достойнымъ награжденія въ классѣ историческомъ и географическомъ, у магистра Оттенталя[3]), и ближайшимъ къ награжденію въ классѣ военной архитектуры и фортификаціи у І.-І. Роста. «И въ другихъ классахъ» — замѣчено о Д. Фонвизинѣ и двухъ другихъ ученикахъ — «такъ обучались, что за достойныхъ могутъ почитаться награжденія». Въ декабрѣ (17-го дня) того же года Д. Фонвизинъ произведенъ въ высшіе классы изъ классовъ Нича, Оттенталя, Михельсона[4]). Въ томъ же 1758 году директоръ университета снова повезъ въ Петербургъ нѣсколько учениковъ «для показанія основателю университета плодовъ сего училища». Фонвизины находились въ числѣ избранныхъ учениковъ. У Шувалова встрѣтилъ Фонвизинъ Ломоносова, который началъ при немъ говорить о пользѣ

---

1) *Московскія Вѣдомости* 1757 г., № 56.
2) *Московскія Вѣдомости* 1757 г., № 57.
3) Прибавленіе къ № 38 *Московскихъ Вѣдомостей* 1758 года, стр. 9, 12.
4) Прибавленіе къ № 101 *Московскихъ Вѣдомостей* 1758 г.

латинскаго языка «съ великимъ краснорѣчіемъ». Блескъ двора поразилъ ребенка, который до тѣхъ поръ почти ничего не видалъ; театръ произвелъ на него особенно сильное впечатлѣніе; здѣсь узналъ онъ и И. А. Дмитревскаго. И въ то время, когда награждали такимъ образомъ будущаго автора «Недоросля» и «Бригадира», въ Казанской гимназіи, также находившейся подъ вѣдѣніемъ Московскаго университета, также отъ Шувалова получалъ награжденіе другой представитель литературы временъ Екатерины—Державинъ[1]). Въ апрѣлѣ 1760 года Фонвизины удостоены снова золотыхъ медалей, но «получили другое лучшее вознагражденіе, а именно произвожденіе въ воинскихъ чинахъ». Особенные успѣхи оказали они въ вышнемъ нѣмецкомъ классѣ магистра Рейхеля и въ классѣ маіора Михельсона[2]). Въ 1761 году снова получилъ золотую медаль Фонвизинъ, «предъ которымъ хотя въ нѣмецкомъ высшемъ классѣ имѣетъ преимущество Ростиславъ Татищевъ, однакожь какъ оный въ томъ классѣ получалъ таковыя медали прежде, то нынѣ оную уступилъ помянутому второму по немъ ученику Фонъ-Визину». Наконецъ, Д. Фонвизинъ съ братомъ произведены были въ студенты[3]).

Къ 1761 году относятся первые его переводы. Университетскій книгопродавецъ поручилъ ему перевести съ нѣмецкаго басни барона Гольберга, обѣщая за труды книгъ на пятьдесятъ рублей. Фонвизинъ принялся за работу, и въ 1761 году появилась книжка: «Басни правоучительныя съ изъясненіями господина барона Голберга, перевелъ Денисъ Фонъ-Визинъ» (при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1761). Выборъ былъ довольно счастливъ и не остался безъ вліянія на переводчика: Фонвизинъ познакомился съ комедіями Гольберга. Въ исторіи датской литературы Гольбергъ занимаетъ довольно важное мѣсто. Онъ почитается отцомъ датской прозы и основа-

1) Фонвизину было тогда 14 лѣтъ. Сочиненія, стр. 507.
2) *Московскія Вѣдомости* 1759 г., № 64.
3) Прибавленіе къ № 34 *Московскихъ Вѣдомостей* 1760 г.

телемъ датскаго театра, для котораго написалъ первыя народныя піесы. Комедіи и сатиры дали ему почетное мѣсто въ исторіи датской литературы. «Подземное путешествіе Клима», въ которомъ подъ аллегорическимъ описаніемъ разныхъ вымышленныхъ странъ Гольбергъ клеймитъ мѣткою сатирою свое время, доставило автору огромную извѣстность и явилось также въ русскомъ переводѣ. Впрочемъ, Гольбергу не удалось поддержать датскій театръ въ томъ видѣ, какой онъ на время далъ ему: публика увлеклась французскимъ вліяніемъ. Гольбергъ жалуется не разъ на модное пристрастіе къ французской литературѣ[1]); въ одной изъ своихъ комедій, «Іоганнъ изъ Франціи», онъ выводитъ молодого человѣка, который побывалъ въ Парижѣ и потому съ презрѣніемъ смотритъ на языкъ и обычаи своихъ соотечественниковъ. Не то же ли видимъ въ Иванушкѣ Фонвизинскаго «Бригадира»? Вліяніе Гольберговыхъ комедій несомнѣнно въ произведеніяхъ Фонвизина, который читаетъ нѣкоторыя изъ нихъ[2]). «Басни нравоучительныя» принадлежатъ къ слабѣйшимъ произведеніямъ Гольберга, хотя нѣкоторымъ нельзя отказать въ эпиграмматической остротѣ[3]). Они писаны прозою, потому что стихи казались автору формою неестественною для басни. Хотя Гольбергъ высказалъ мысль, что изъ всѣхъ родовъ нравственныхъ сочиненій басня — самый «сильный и невинный», но нравоученія, которыя онъ выводитъ изъ своихъ басенъ, часто отзываются крайнею изысканностію и совершеннымъ разъединеніемъ съ самою баснею. Сатира Гольберга поражала преимущественно педантизмъ, ложную набожность, схоластическую мета-

1) См. Moralische Fabeln mit beygefügten Erklährungen einer jeden Fabel. Aus dem Dänischen des Herrn Baron von Holberg übersetzt durch J. A. S. K. D. C. Zweite, verbesserte Auflage. Kopenhagen. 1761. Съ перваго изданія этого перевода сдѣланъ русскій переводъ Фонвизина.

2) Сочиненія, стр. 509.

3) Замѣтимъ мимоходомъ, что извѣстная эпиграмма И. И. Дмитріева: «Мнѣ лѣкарь говорилъ» заимствована изъ одной нравоучительной басни Гольберга (ср. по переводу Фонвизина, изд. 1761 г., стр. 981), впрочемъ принявши уже форму французской эпиграммы.

физику, богословскія словопренія. Таковъ былъ первый литературный авторитетъ Фонвизина[1]). Въ характерѣ произведеній ихъ много общаго, и Гольберговы комедіи и басни развивали врожденную наклонность къ сатирѣ въ Фонвизинѣ, который уже въ университетѣ прослылъ «великимъ критикомъ».

Въ томъ же 1761 году въ *Полезномъ Увеселеніи*, журналѣ, который издавался при университетѣ и состоялъ большею частію изъ трудовъ студентовъ, напечатана переведенная Фонвизинымъ статья: «Правосудный Юпитеръ»[2]). Она принадлежитъ къ тѣмъ нравоучительно - сатирическимъ сочиненіямъ, которыя очень нравились въ прошедшемъ столѣтіи и своею манерою оставили болѣе или менѣе замѣтные слѣды въ комедіяхъ того времени. Лицо Стародума, цѣлые журналы и піесы отчасти обязаны своимъ происхожденіемъ этой страсти къ резонерству, къ дидактической морали: тирады Стародума, большая часть которыхъ кажется теперь довольно скучными, очень нравились публикѣ того времени[3]). Въ «Правосудномъ Юпитерѣ» въ формѣ разсказа развивается истина, что ропотъ человѣка на божество происходитъ единственно отъ недальновидности, и что исполненіе многихъ человѣческихъ желаній только доводитъ людей до несчастія. Въ такомъ духѣ написаны всѣ статьи *Полезнаго Увеселенія*, направленіе которому давалъ Херасковъ: имъ оно было начато, его взглядъ на цѣль журнала руководилъ молодыхъ сотрудниковъ. Въ «Письмѣ», напечатанномъ въ первой книжкѣ 1761 года[4]), Херасковъ замѣчаетъ, что едва ли прошлогодній ихъ журналъ принесъ пользу: «порокъ обличенъ мало». Но «въ ободреніе» сотрудникамъ онъ прибав-

---

1) Уже составивши себѣ имя въ литературѣ, Фонвизинъ напечаталъ два новыя изданія своего перевода басенъ Гольберга. Въ 1787 году напечатано было третье изданіе ихъ съ прибавленіемъ 42 басенъ. Это показываетъ, какъ уважалъ переводчикъ Гольберга.

2) *Полезное Увеселеніе* 1761 г., ноябрь, стр. 161—178.

3) Сочиненія, стр. 543 и 544.

4) *Полезное Увеселеніе*, генварь 1761 г., стр. 14—16.

ляетъ, что «утѣсненная добродѣтель въ сердцахъ любителей ея покоится, похвалами и оправданіями... питается; чѣмъ больше она провѣщателей ея славы, пріятностей и красоты слышитъ, тѣмъ надъ страстьми выше возвышается»; слѣдовательно, и ихъ журналъ принесетъ свою пользу.

Таково было направленіе первыхъ литературныхъ произведеній Фонвизина: нравоученіе составляетъ главную ихъ цѣль. Но самому переводчику «Нравоучительныя басни» неожиданно нанесли вредъ въ нравственномъ отношеніи. Книгопродавецъ, заказавшій Фонвизину переводъ ихъ, заплатилъ ему за труды книгами соблазнительными, съ скверными эстампами, которые «развратили его воображеніе и возмутили его душу». Фонвизинъ началъ искать случая теоретическія свои знанія привести въ практику и такимъ образомъ попалъ въ общество, изъ котораго какъ лучшее пріобрѣтеніе, вынесъ только роль Бригадирши. Такая жизнь усилила его головныя боли, которыя и прежде заставляли его пропускать многія важныя лекціи.

Фонвизинъ былъ еще въ университетѣ, еще переводы его носили на себѣ слѣды вліянія университета и по выбору, и по языку. Первое несомнѣнно; не безъ основанія можно думать, что и языкъ его переводовъ исправлялся кѣмъ-нибудь изъ университетскихъ его наставниковъ: онъ гораздо чище и правильнѣе, нежели его же переводный слогъ въ «Каритѣ», которая явилась уже въ Петербургѣ.

Изъ всѣхъ преподавателей университета ближе всѣхъ былъ къ Фонвизину Рейхель: подъ его непосредственнымъ руководствомъ началось литературное поприще Фонвизина, и онъ первый привѣтствовалъ его труды словами одобренія въ своемъ журналѣ. Съ своей стороны Фонвизинъ работалъ для его журнала и перевелъ его «Слово о томъ, что науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ» (печ. при Имп. Московскомъ университетѣ, 1762, въ 4-ю д. л.). Замѣчательно, что Рейхель смотритъ на исторію съ точки зрѣнія практической и

ставитъ задачею ея правоученіе. По его словамъ, такъ «какъ она представляетъ намъ дражайшее сокровище примѣровъ, наполненныхъ ученія, когда сохраняетъ важнѣйшія приключенія славныхъ государей для возбужденія и подражанія, когда предлагаетъ дѣла великихъ людей по различнымъ ихъ слѣдствіямъ для благополучія цѣлыхъ частей свѣта, то потребность ея и польза возвышается отъ разумныхъ людей по справедливости». Въ другомъ мѣстѣ Рейхель замѣчаетъ, что «наука сія при всѣхъ затрудненіяхъ, которыми она окружена, почитаема была зерцаломъ Божескаго провидѣнія и сокровищемъ потребнѣйшихъ и полезнѣйшихъ политическихъ правилъ. Она не только цѣлымъ народамъ показала въ чужихъ примѣрахъ путь къ общему благополучію, но и оставила намъ правила опредѣлять и различать точнѣе достоинство великихъ правителей». Такое воззрѣніе на исторію передавалъ Рейхель ученикамъ своимъ; оно господствовало въ XVIII вѣкѣ, когда нравоучительныя сочиненія пользовались особеннымъ уваженіемъ. Въ Фонвизинѣ они нашли дѣятельнаго поклонника, и весь рядъ переводовъ съ 1761 по 1769 годъ относится къ разряду чисто-правоучительныхъ сочиненій, иногда въ сатирическомъ духѣ. Въ 1762 году Рейхель задумалъ издавать журналъ (по третямъ года): *Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія.* Издатель обѣщалъ сообщать въ своемъ журналѣ «лучшія чужестранныхъ писателей сочиненія». Здравый практическій взглядъ на значеніе журнала, стремленіе дать статьямъ популярность и полезность видны во всемъ *Собраніи* Рейхеля. «Мы будемъ», говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію, —«собирать для всякихъ читателей, а особенно для тѣхъ, которые не имѣютъ склонности къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ». Составъ журнала простъ. Физика занимаетъ въ программѣ первое мѣсто, ибо «по истинѣ стыдно въ собственномъ своемъ жилищѣ быть невѣдущимъ странникомъ». За нею слѣдуетъ «экономія, или домостроительство, . . . которая многія выгодности къ человѣческому блаженству подать можетъ». Практическую пользу

можетъ имѣть въ журналѣ и нравоученіе; по словамъ Рейхеля, оно «было самое плодоноснѣйшее поле, отъ котораго періодическія сочиненія обогащались». Впрочемъ, издатель намѣренъ былъ помѣщать въ своемъ журналѣ только такія, которыя «подлинное участіе въ человѣческихъ дѣйствіяхъ имѣютъ и взяты изъ природнаго свойства оныхъ дѣйствій»; онъ исключаетъ также изъ своихъ листковъ сочиненія, «въ которыхъ острота безъ наставленія находится». Наконецъ, издатель обѣщалъ помѣщать въ каждомъ листкѣ что-нибудь изъ ученой исторіи, прибавляя, что «политическая исторія собственно не принадлежитъ къ содержанію нашихъ листковъ».

Мы распространились о программѣ Рейхелева журнала, чтобъ показать, подъ какимъ сильнымъ вліяніемъ этого профессора находились первые литературные опыты Фонвизина. Въ выборѣ статей для *Собранія лучшихъ сочиненій* Фонвизинъ былъ не властенъ; онъ опредѣлялся программою. Мало того: по своей тогдашней неопытности въ дѣлахъ литературныхъ переводчикъ не могъ отыскать въ иностранныхъ сочиненіяхъ и журналахъ статей, которыя бы вполнѣ удовлетворяли цѣли журнала; для этого нужны были начитанность, болѣе или менѣе ученое образованіе, наконецъ тактъ своего рода. Очевидно, что статьи выбиралъ для перевода самъ Рейхель, — Фонвизинъ былъ только исполнителемъ его мыслей и плановъ. Въ *Собраніи лучшихъ сочиненій* находимъ слѣдующіе переводы Фонвизина: 1) «Господина Менарда изысканіе о зеркалахъ древнихъ», изъ 23-me tome «Histoire de l'Academie des inscriptions et belles lettres»[1]; 2) «Торгъ семи музъ», изъ Кригеровыхъ «Сновъ» 13-й[2]; 3) «Разсужденіе господина Рейтштейна о приращеніи рисовальнаго художества, съ наставленіемъ въ начальныхъ основаніяхъ онаго»[3]; 4) «Господина Ярта разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства»[4]. Всѣ эти статьи содержанія

1) *Собраніе лучшихъ сочиненій* 1762 г., ч. I, стр. 1—8.
2) Тамъ же, стр. 74—83.
3) Тамъ же, часть II, стр. 181—213
4) Тамъ же, часть III, стр. 120—143.

ученаго, кромѣ «Торга семи музъ»[1]), въ которомъ разсказывается, что Аполлонъ послалъ людямъ семь музъ; у каждой изъ нихъ былъ коробъ, въ которомъ находились средства къ человѣческому благополучію; первая несла разумъ, другая — добродѣтель, третья—здоровье, четвертая—долгую жизнь, пятая—мысленныя увеселенія, шестая — честь, а послѣдняя — золото. Только первыя двѣ музы возвращаются къ Аполлону, обруганныя и униженныя, не продавши своего товара. Сатира въ иныхъ мѣстахъ написана довольно бойко и живо. Этотъ разсказъ повторилъ въ своемъ *Живописцѣ*[2]) Новиковъ: здѣсь сатира получила форму письма «любопытнаго зрителя»; въ нее вставлены уже черты русскія, намеки на русское общество, которые такъ любилъ Новиковъ, смотря на литературу какъ на единственное средство къ уничтоженію въ народѣ мрака умственнаго и нравственнаго. Не знаемъ, кто былъ этотъ любопытный зритель, придавшій русскій колоритъ разсказу Крюгера, но, судя по примѣчанію издателя[3]), это былъ писатель, пользовавшійся большимъ уваженіемъ, можетъ быть даже, самъ Фонвизинъ; во всякомъ случаѣ, для насъ очень важна эта встрѣча съ Новиковымъ Фонвизина въ одномъ изъ первыхъ его переводныхъ произведеній. Ниже мы скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи Фонвизина къ сатирическимъ журналамъ прошлаго столѣтія.

Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ университетѣ Фонвизинъ началъ учиться французскому языку, который мало былъ ему извѣстенъ. Въ 1761 году онъ перевелъ стихами «Альзиру» Вольтера, но въ этомъ переводѣ еще обличилось не-

1) «Благополучный торгъ осьмой музы» изъ тѣхъ же Кригеровыхъ «Сновъ» (Träume) переведенъ Павломъ Фонвизинымъ и напечатанъ въ томъ же изданіи, часть I, стр. 84—86.

2) *Живописецъ*, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе, часть II, листъ 2, стр. 217—224.

3) «Сказуютъ»—читаемъ въ P. S. издателя—«что сему любопытному зрителю одна муса подарила превеликіе два штофа разума, а другая, продающая честь, пожаловала его достоинствами, то-есть, честностію и скромностію». Тамъ же, стр. 224.

твердое знаніе языка подлинника: еще *sabre* переведено словомъ *песокъ*. Тогда же онъ перевелъ книгу аббата Террасона: «Геройская добродѣтель, или жизнь Сифа, царя Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая» (печ. при Московскомъ университетѣ; ч. 1-я въ 1762, 2-я въ 1763, 3-я въ 1764 и 4-я въ 1768). Къ той же цѣли — нравоученію, стремится Фонвизинъ и въ этомъ переводѣ. О подлинникѣ онъ говоритъ въ предисловіи: «Сіе сочиненіе, раздѣленное на десять книгъ, въ разсужденіи исправленія нравовъ есть весьма полезно. Египетскій Сифъ представленъ здѣсь героемъ, почерпшимъ премудрость отъ нравоученія, черезъ которое онъ, будучи еще въ цвѣтущей юности, въ состояніи уже былъ дѣлать другимъ наставленія». Впрочемъ авторъ, заключаетъ Фонвизинъ,— «представляя Сифа не иначе, какъ идолопоклонника, содержитъ первѣе о исправленіи однихъ только нравовъ къ пользѣ человѣческаго рода. Потомъ старается наполнить книгу свою учеными примѣчаніями, надлежащими до египетскаго народа. Сверхъ того, собираетъ здѣсь извѣстія древней географіи, доказывая справедливость оныхъ книгами славныхъ историковъ». Сочиняя свой романъ, Террасонъ научнымъ свѣдѣніямъ о Египтѣ думалъ дать легкую, привлекательную форму, и дѣйствительно, онъ нравился читателямъ своего времени, хотя теперь показался бы крайне скучнымъ. Никто, конечно, не станетъ искать въ его романѣ понятій и духа древности; герои его служатъ только выраженіемъ идей и плановъ автора о государственномъ устройствѣ и т. п. Фонвизина, какъ видно изъ предисловія, соблазнила нравоучительная сторона романа и полезность его для распространенія свѣдѣній о Египтѣ: этими достоинствами обольщался XVIII вѣкъ. Рейхель смотрѣлъ на подобныя произведенія съ той же точки зрѣнія. «Великой благодарности», говоритъ онъ въ своемъ журналѣ объ этомъ трудѣ Фонвизина, — «достойны переводчики, когда употребляютъ они время свое на такія книги, кои служатъ къ распространенію ученія, и которыя вообще полезны для свободныхъ наукъ». Свой

переводъ Фонвизинъ самъ назвалъ «не совсѣмъ удачнымъ», и его добросовѣстная оцѣнка справедлива.

Въ 1762 году Фонвизинъ былъ уже сержантомъ гвардіи; но наука привлекала его болѣе, нежели военная служба. Въ концѣ того же года Фонвизинъ пожелалъ оставить университетъ и поступить въ иностранную коллегію, какъ показываетъ слѣдующая «изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Императорскій Московскій университетъ промеморія»:

«Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку сержантъ и онаго университета студентъ Денисъ Фонъ-Визинъ поданнымъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ прошеніемъ представилъ, что онъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ обучался латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ и желаетъ нынѣ при дѣлахъ оной коллегіи служить, почему оной Фонъ-Визинъ въ тѣхъ языкахъ свидѣтельствованъ и найденъ въ знаніи оныхъ достаточнымъ и къ дѣламъ оной коллегіи способнымъ, и потому коллегія иностранныхъ дѣлъ отъ Императорскаго Московскаго университета требуетъ, чтобъ оной благоволилъ помянутаго сержанта Фонъ-Визина, выключа изъ числа университетскихъ студентовъ, прислать въ оную коллегію для опредѣленія по желанію и способности его, о чемъ равномѣрно писано и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку въ полковую канцелярію. [Подписали] Графъ Михайла Воронцовъ. Князь Александръ Голицынъ [1]).

Октября 24-го дня 1762 г.

Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ въ иностранную коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичья чина съ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, съ жалованьемъ по 800 рублей, и хорошимъ переводомъ бумагъ успѣлъ обратить на себя вниманіе канцлера. Вскорѣ онъ посланъ былъ съ Екатерининскою лентою къ герцогинѣ Мекленбургъ - Шверинской.

---

[1]) Копія этого любопытнаго документа находится въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. «Оригинальная промеморія отдана на руки ему Фонъ - Визину того жъ числа», какъ помѣчено на копіи.

«Тогда я былъ еще сущій ребенокъ», говоритъ онъ, — «и почти не имѣлъ понятія о свѣтскомъ обращеніи; но какъ я читалъ уже довольно и имѣлъ природную остроту, то у Шверинскаго двора не показался я невѣждою».

Въ 1763 году Фонвизинъ отправился въ Петербургъ. Въ то время извѣстный сочинитель «Опыта повѣствованія о Россіи», Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, тогда кабинетъ-министръ, имѣлъ нужду взять кого-нибудь изъ коллегіи. Фонвизинъ былъ уже нѣсколько извѣстенъ, какъ писатель, своимъ переводомъ «Альзиры»; и потому именнымъ указомъ 7-го октября 1763 года повелѣно ему «быть для нѣкоторыхъ дѣлъ» при Елагинѣ. Новый начальникъ его любилъ покровительствовать молодыхъ писателей, любилъ литературу и, конечно, оставить по себѣ память въ исторіи словесности болѣе ободреніемъ нѣкоторыхъ писателей, нежели своимъ витійствомъ и своими смѣшными догадками историческими; Фонвизину хорошо было бы жить въ домѣ Елагина, но онъ не поладилъ съ секретаремъ его Лукинымъ, также писателемъ, оставившимъ нѣсколько комедій. Кажется, сначала Фонвизинъ жилъ въ согласіи съ Лукинымъ; по крайней мѣрѣ Лукинъ, человѣкъ мелочнаго характера, не любившій хорошо отзываться о своихъ недругахъ, говорилъ о Фонвизинѣ и Ельчаниновѣ[1]) въ 1765 году: «Оба, имѣя больше меня способности и знанія, сами всѣхъ неоснователькыхъ осуждателей, которые на нихъ нападали, если захотятъ, безъ труда усмирить могутъ: ибо на правду словъ мало надобно»[2]). Не извѣстно, что̀ было причиною размолвки Фонвизина съ Лукинымъ. «Физіономія ли моя», пишетъ Фонвизинъ въ «Признаніи», — «или не весьма скромный мой отзывъ о его перѣ, причиною стали его ко мнѣ ненависти». Но, зная самолюбивый, раздражительный характеръ Лукина и страсть Фонвизина къ остротамъ, который для краснаго словца не

1) Онъ былъ другомъ Лукина.
2) Сочиненія и переводы Владиміра Лукина. С.-Пб., 1765, II, стр. IX—X.

спускалъ никому, мы поймемъ причину вражды между ними. Фонвизинъ самъ говоритъ, что его соперникъ былъ «безпримѣрнаго высокомѣрія и нравомъ тяжелъ пренесносно». Какъ видно, Лукинъ употреблялъ не совсѣмъ благородныя средства, чтобы повредить Фонвизину. Послѣдній писалъ Елагину изъ Москвы[1]): «Я съ прискорбіемъ вижу, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, не буду имѣть ни малѣйшаго случая заслужить сколько-нибудь тѣ деньги, которыя я изъ казны брать буду. Дѣла производитъ г. *секретарь*, а я развѣ для риѳмы буду только *тварь*. Я знаю, что все, кромѣ Создателя, тварь есть; но представьте, милостивый государь, кому хочется быть такою тварью, которая создана для того только, чтобъ служить риѳмою другой? Ваше превосходительство изволите впрочемъ сами знать, что я для милліону резоновъ съ г. Лукинымъ быть вмѣстѣ не могу; ибо кто не желаетъ остатки дней своихъ провести спокойно?»[2]) «Клянусь вамъ Богомъ», пишетъ Фонвизинъ къ родителямъ,—«что не возможно представить себѣ на мысль всѣ тѣ злости, всѣ тѣ бездѣльническія хитрости, которыя употреблялъ онъ [Лукинъ] къ поврежденію меня въ мысляхъ Ивана Перфильевича и всей его фамиліи. И дѣйствительно, онъ сдѣлалъ было то, что я, не смотря ни на бѣдность свою, ни на то, что долженъ службою искать своего счастія, принужденъ былъ оставить службу»[3]). Въ томъ же письмѣ, отъ 26-го іюня 1766 года, Фонвизинъ извѣщаетъ родителей, что Елагинъ понялъ наконецъ характеръ Лукина и раскаялся «въ прежнемъ своемъ поступкѣ» съ нимъ. «Состояніе мое теперь таково», пишетъ Фонвизинъ, — «что я лучшаго не желаю, если только оно продолжится».

Исправляя свои должности у Елагина, Фонвизинъ не оставлялъ и литературныхъ занятій. Въ 1763 году издалъ онъ переводъ повѣсти Бартелеми: «Любовь Кариты и Полидора» (С.-Пб.). Какъ переводомъ «Сиѳа» думалъ онъ познакомить чита-

---

1) Письмо это относимъ мы къ 1765 году.
2) Сочиненія, стр. 633.
3) Тамъ же, стр. 638.

телей съ Египтомъ, такъ переводъ «Кариты» долженъ былъ перенести ихъ въ Грецію. На сказаніи, что аоиняне должны были ежегодно давать семерыхъ юношей и дѣвицъ на съѣденіе Минотавру, основалъ Бартелеми судьбу двухъ любовниковъ— Кариты и Полидора; за естественностью дѣйствія онъ не гонялся, жертвуя ею интересу разсказа; оттого «Карита» читается легче «Сифа». Но языкъ Фонвизинскаго перевода «Кариты» крайне неправиленъ и испещренъ варваризмами.

Въ 1764 году Фонвизинъ выступилъ наконецъ на то поприще, которое должно было прославить его имя: тогда представлена была его комедія «Коріонъ», передѣлка Грессетова «Сиднея»[1]). Она понравилась публикѣ и двору, хотя въ другихъ манера передѣлывать иностранныя комедіи на русскіе нравы возбудила неудовольствіе и осужденіе, сколько можемъ догадаться изъ словъ Лукина, который говоритъ въ предисловіи къ своему «Награжденному постоянству»: «Три въ прошломъ годѣ (1764) представленныя комедіи: «Французъ Русской», «Коріонъ» и «Награжденная добродѣтель», вытерпѣли жестокое нападеніе, и хотя оное совсѣмъ неосновательно было, однако многихъ поборниковъ по себѣ имѣло. Словомъ, ничто не могло удержать ядовитой зависти, на нихъ вооружавшейся: не только удовольствіе многихъ зрителей, ниже благоволеніе, отъ двора оказанное»[2]). Если причиною гоненія на «Коріона» было невыгодное понятіе о передѣлкахъ иностранныхъ комедій на русскіе нравы, то Фонвизинъ былъ совершенно правъ. Примѣненіе иностранныхъ комедій къ нашимъ нравамъ было уже шагомъ впередъ отъ простыхъ переводовъ къ произведеніямъ болѣе оригинальнымъ.

---

1) Сочиненія и переводы В. Лукина, ч. II, стр. IX—X. Кажется, эта передѣлка Грессетова «Сиднея» упоминается митрополитомъ Евгеніемъ въ числѣ напечатанныхъ переводовъ Фонвизина подъ заглавіемъ: «Сидней, стихами, съ франц. и проч.» (Словарь свѣтскихъ писателей, I, 82). Сколько нȁмъ извѣстно, такой книги не существуетъ; въ первый разъ напечатанъ «Коріонъ» въ *Библіотекѣ для чтенія* 1835 года.

2) Сочиненія и переводы В. Лукина, ч. II, стр. IX—X.

Лукинъ, смотрѣвшій на дѣло съ практической точки зрѣнія, прямо говоритъ: «Нынѣ такой вѣкъ, что и во всемъ свѣтѣ тѣ лишь знатными писателями и называются, которые лучше прочихъ выкрадутъ и, искусненько прикрывши, выдадутъ за свое сочиненіе». Тѣмъ значительнѣе для насъ эти слова Лукина, что онъ же самъ проповѣдывалъ необходимость чисто-русской комедіи, народнаго театра и съ жаромъ стремился къ нимъ. Онъ не побоялся возстать противъ литературнаго авторитета своего времени Сумарокова и очень вѣрно указалъ анахронизмы въ его комедіяхъ. У Сумарокова есть, конечно, нападки на пороки и предразсудки чисто русскіе, но эти нападки не выдвигаются на первый планъ, а остаются какимъ-то эпизодомъ; съ другой стороны, онѣ затрогиваютъ немногія стороны русскаго общества и часто отзываются личностями, которыя прямо вылились изъ горячаго задорнаго характера Сумарокова. Онъ давалъ дѣйствующимъ лицамъ своихъ комедій иностранныя имена, которыя непріятно должны были поражать русское ухо, и эта чуждая внѣшность соотвѣтствовала вполнѣ и образу дѣйствія, и характеру лицъ, которыя расплывались въ общіе, неясные образы, потому что были сколками съ французскихъ комедій. Лукинъ силится уже отказаться отъ простыхъ заимствованій, отъ безусловнаго пристрастія къ французскимъ образцамъ. «Я буду», говоритъ онъ, — «всѣ шуточныя театральныя сочиненія всевозможно склонять на наши обычаи, потому что многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого исправленія. Они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ. Тому причиною, что они слышатъ Парижъ, Версалію, Тюльлеріи и прочія для многихъ изъ нихъ незнакомыя реченія, да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только несвойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но что они и одѣты въ незнакомыя имъ одежды»[1]). Въ исторіи нашей комедіи Лукинъ теоретически дѣлаетъ шагъ впередъ; но эта первая попытка еще

1) Сочиненія и переводы Лукина, II, стр. XV—XVI.

очень слаба. Изъ его же собственныхъ словъ видно, что ему бросалась больше въ глаза внѣшность комедіи (одежды, реченія), не гармонировавшая съ русскою жизнью; потому и реформа начиналась въ то время только съ этой внѣшней стороны. Самъ Лукинъ, проповѣдникъ необходимаго согласія комедіи съ общественною жизнью народа, во всѣхъ почти комедіяхъ своихъ, кромѣ «Мота», является подражателемъ французовъ. Лукинъ не понялъ, что содержаніе комедіи дается жизнію общества, и что переложеніе чужихъ комедій на русскіе нравы есть ложь: по его мнѣнію, «ступивши къ такому преложенію, можно украсить цѣлое сочиненіе и другимъ пользу сдѣлать». Этотъ же взглядъ на русскую комедію раздѣлялъ тогда и Фонвизинъ: его «Коріонъ» относится къ одной категоріи съ комедіями Лукина; въ немъ также русскаго одна только внѣшность, и то не вполнѣ. Но какъ комедіи Лукина составляютъ въ исторіи нашей литературы переходъ отъ простыхъ заимствованій къ комедіямъ оригинальнымъ, такъ и «Коріонъ» Фонвизина есть какъ бы переходъ отъ его переводовъ къ «Бригадиру» и «Недорослю». Вѣроятно, къ этому же времени относится и начало Фонвизинскаго перевода комедіи Буасси (Boissy): «Обманчивая наружность или человѣкъ нынѣшняго свѣта»[1]). Сохранился переводъ перваго и отчасти шестого явленія перваго акта. Въ этой комедіи графиня проповѣдуетъ тѣ же житейскія правила, за которыя такъ преслѣдовалъ Новиковъ русскихъ щеголихъ въ своихъ журналахъ. «Бракъ совсѣмъ не твое дѣло», говоритъ она барону, — «и всѣ твои друзья не должны къ тому допускать тебя. Таковыя узы сдѣлаютъ въ тебѣ великую перемѣну; свѣтъ чрезъ то много потеряетъ, да и ты самъ теряешь чрезъ то половину цѣны своей. Всѣхъ привлекать, вездѣ торжествовать, быть любезну, забавну и ни о чемъ больше не думать, какъ

---

1) Заглавіе подлинника: Les dehors trompeurs ou l'homme du jour. Уцѣлѣвшіе листки Фонвизинскаго перевода нынѣ хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

только о томъ, чтобъ нравиться другимъ, вотъ прямое твое состояніе, вотъ истинное твое упражненіе. Человѣкъ нынѣшняго свѣта родился съ тѣмъ, чтобъ ни отъ кого не зависѣть, чтобъ имѣть веселіе своимъ закономъ и узами — свои забавы. Союзъ его долженъ состоять изъ легчайшихъ оковъ, которыхъ минута составляетъ, а другая разрушаетъ. Онъ долженъ бѣгать и отъ узъ глупаго дружества; словомъ, ему надлежитъ привязывать къ себѣ всѣхъ и ни къ кому не быть привязану». То же самое ученіе проповѣдывали и русскія щеголихи прошлаго столѣтія; стоитъ прочесть только нѣкоторыя мѣста *Живописца*[1]), чтобы убѣдиться, что мѣсто, выписанное изъ французской комедіи, очень хорошо примѣнялось къ офранцуженной части нашего общества.

Въ 1765 году Фонвизинъ ѣздилъ въ Москву и пробылъ тамъ довольно долго. Тамъ познакомился онъ съ однимъ полковникомъ, въ домѣ котораго встрѣтилъ «женщину плѣняющаго разума, которая достоинствами своими тронула его сердце и вселила въ него совершенное къ себѣ почтеніе». Познакомившись съ нею, Фонвизинъ скоро узналъ, что его «почтеніе превратилось въ нелицемѣрную къ ней привязанность». Къ этому-то времени относится его переводъ сентиментальной повѣсти: «Сидней и Силли или благодѣяніе и благодарность». Здѣсь не было уже правоучительной стороны, ни ученой, которыя заставляли Фонвизина браться за перо; повѣсть отличается только крайнею сентиментальностію и стремленіемъ къ эффектамъ. Въ героѣ — Сиднеѣ выставленъ какой-то идеально-добродѣтельный человѣкъ, а въ Силли, другомъ дѣйствующемъ лицѣ повѣсти, — юноша, котораго несчастія ожесточили противъ людей, заставили бросить любимую имъ дѣвушку и бѣжать изъ Европы въ Америку. Здѣсь встрѣчаетъ его Сидней, возвращаетъ отца, котораго онъ считаетъ погибшимъ, отправляется вмѣстѣ съ ними въ Парижъ,

1) Ср. по 1-му изданію, листъ 4-й, стр. 25—28; листъ 7-й, 9-й, 10-й и т. д.

соединяетъ Сили съ любимою имъ Юліею и окружаетъ счастіемъ и довольствомъ семью ихъ.

Впрочемъ, сентиментальность въ «Сиднеѣ» Фонвизина объяснить не трудно: онъ былъ тогда въ томъ возрастѣ, который по самому характеру своему наклоненъ къ ней; онъ былъ, съ другой стороны, въ такомъ же положеніи, въ какомъ Сили къ своей Юліи; мало того, выборъ повѣсти для перевода принадлежитъ не ему, а женщинѣ, которая внушила ему страсть. На это ясно указываетъ посвященіе перевода «Госпожѣ...». «Слѣдуя волѣ твоей», говоритъ Фонвизинъ, — «перевелъ я «Сиднея» и тебѣ приношу переводъ мой. Что мнѣ нужды, будутъ ли хвалить его другіе? Лишь бы онъ понравился тебѣ. Ты одна всю вселенную для меня составляешь». Не удивительно, что въ этомъ состояніи Фонвизинъ могъ сочувствовать картинамъ, которыя представляетъ переведенная имъ повѣсть.

Нѣсколько рѣзокъ переходъ отъ сентиментальной повѣсти къ политико-экономическому трактату. Но въ Фонвизинѣ всегда преобладало стремленіе къ сочиненіямъ практически-полезнымъ, выразившееся рѣзко во всей его литературной дѣятельности и, можетъ быть, всего ярче высказавшееся въ его знаменитыхъ «Вопросахъ сочинителю Былей и Небылицъ». Писатель былъ для него столь же мощнымъ дѣятелемъ въ системѣ государственнаго управленія, какъ и высшія лица власти законодательной. Въ числѣ нѣкоторыхъ бумагъ Фонвизина, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, находится отрывокъ плана почтоваго устройства. «Государственныя почты суть такія установленія», говоритъ авторъ,—«въ коихъ публика обрѣтаетъ свои выгоды, а казна свой доходъ. До сего времени не пользовалася публика относительно до почты ни возможными удобностями, ни довольною безопасностію, а казенный съ нихъ доходъ есть гораздо менѣе, нежели оный быть можетъ безъ всякаго однакожь отягощенія публики. Къ распространенію сей обоюдной пользы полагаются здѣсь нѣкоторыя основанія, извлеченныя изъ опытовъ многихъ лѣтъ, соображенныя съ нашимъ

положеніемъ и обычаями, и удобныя произвестися въ дѣйство при всеобщемъ благоустройствѣ, составляющемъ блаженство Россіи и безсмертную славу ея законодательницы. Существо почтовыхъ дѣлъ требуетъ, чтобъ вниманіе обращено было на три главные предмета, кои суть: 1) безопасность почты, 2) скорое ея хожденіе, 3) сборъ, сохраненіе и возможное приращеніе ея доходовъ. Каждый изъ сихъ пунктовъ будетъ опредѣленъ и установленъ здѣсь въ особливомъ отдѣленіи». Фонвизинъ думалъ, что писатель долженъ подавать свой голосъ въ дѣлахъ, касающихся государственнаго управленія, указывать на не замѣченныя въ нихъ стороны и способствовать къ рѣшенію возникающихъ вопросовъ. Въ 1766 году онъ напечаталъ переведенную имъ книгу: «Торгующее дворянство противуположенное дворянству военному, или два разсужденія о томъ, служитъ ли то къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество? Съ присовокупленіемъ особливаго о томъ же разсужденія г. Юстія» (С.-Пб.). Судьба французскаго подлинника не лишена интереса. Въ декабрьской книжкѣ *Французскаго Меркурія* 1754 года напечатаны были размышленія о торговлѣ маркиза Лассе (Lassay), который между прочимъ высказалъ мысль, что французское правительство не должно позволять дворянству заниматься торговлей. Кажется, этотъ вопросъ занималъ въ то время многихъ. Противъ мнѣнія Лассе возсталъ аббатъ Куайе (abbé Coyer), воспитатель герцога Бульонскаго, человѣкъ, не отличавшійся глубокою ученостію, но умѣвшій часто мастерски схватить и передать смѣшную сторону дѣла. Куайе напечаталъ въ Парижѣ (въ 1756 году) анонимную брошюру: «La Noblesse commerçante»; она была замѣчена, возбудила большое вниманіе живымъ и остроумнымъ изложеніемъ дѣла, хотя многимъ не понравилась и вызвала возраженія. Противъ нея направлена книга: «La Noblesse militaire, ou le patriote François». Въ системѣ Куайе авторъ послѣдняго сочиненія видитъ «стремленіе къ разрушенію монархіи». Если о степени сочувствія публики къ сочиненію судить по количеству

изданій, то послѣдняя брошюра имѣла болѣе доброжелателей, нежели книга Куайе: въ 1758 году уже вышло четвертое изданіе «Военнаго дворянства», и только второе — «Торгующаго». Юсти перевелъ обѣ брошюры на нѣмецкій языкъ и издалъ ихъ съ своимъ предисловіемъ. Нѣмецкій юристъ не сочувствуетъ доводамъ Куайе: «Для благополучія всей Европы желать надобно того», говоритъ онъ,—«чтобъ оныя никакого не имѣли дѣйствія. Французская коммерція въ семъ вѣкѣ распространилась въ тридцать лѣтъ столь далеко, что есть ли приращеніе ея слѣдовать будетъ по сему содержанію, то вольность Европы великой будетъ опасности подвержена». Юсти смотритъ на дѣло съ исключительной точки зрѣнія; онъ потому только не желаетъ распространенія плановъ Куайе, что Франція по своей торговлѣ можетъ сдѣлаться еще опаснѣе для Европы; но онъ признается, что перевелъ оба сочиненія для того, «чтобъ оспариваемое здѣсь предразсужденіе и въ Германіи силу свою потеряло. Предразсужденіе», продолжаетъ онъ, — «причинило превеликой вредъ нашему отечеству; и есть ли бъ мы за 300 лѣтъ предъ симъ оное истребили, то бы Германія была нынѣ богатѣйшее, сильнѣйшее и благополучнѣйшее государство въ Европѣ». Юсти жалѣетъ о паденіи Ганзейскаго союза и о томъ, что дворяне не приняли тогда участія въ торговлѣ. Чтобы разъяснить нѣкоторыя стороны вопроса, Юсти къ нѣмецкому переводу брошюръ присоединилъ и свое разсужденіе о томъ же предметѣ.

Фонвизинъ перевелъ (съ нѣмецкаго) только одно сочиненіе Куайе, хотя по заглавію его книжки можно было бы думать, что онъ перевелъ обѣ упомянутыя брошюры вмѣстѣ съ разсужденіемъ Юсти. Цѣль Куайе — доказать, что дворянство, особенно низшее, должно заняться торговлею. Слѣдствіемъ обращенія ихъ къ торговлѣ будетъ: 1) распространеніе земледѣлія, 2) умноженіе народа, 3) увеличеніе доходовъ, 4) усиленіе флота. Замѣчательно, что авторъ, съ своей экономической точки зрѣнія, очень низко ставитъ сочинителей романовъ; одну только пользу видитъ онъ въ романахъ: они препятствуютъ своимъ сочинителямъ

впасть въ праздность и черезъ это, можетъ быть, сдѣлаться разбойниками! Впрочемъ, въ первой и отчасти во второй половинѣ прошлаго столѣтія писатели вообще довольно неблагосклонно отзывались о романахъ. Языкъ Фонвизинскаго перевода въ этомъ трактатѣ еще довольно блѣденъ и неправиленъ отъ множества варваризмовъ.

Въ Москвѣ Фонвизинъ перевелъ поэму Битобе: «Іосифъ». Она принадлежитъ къ тому ложному роду эпопеи, который такъ уважался въ прошломъ столѣтіи, благодаря французской піитикѣ и любви къ правоучительнымъ сочиненіямъ. Тогда какъ будто не понимали нравоученія, которое не было высказано въ дидактической формѣ. Эпопея, этотъ плодъ юности народа, его непосредственное созданіе, становилась романическою исторіею, въ которой взглядъ творца почти всегда извращалъ истину и даже правдоподобіе. Такова «Генріада», такова «Россіада», такова поэма Битобе. На поэму смотрѣли тогда какъ на самый возвышенный родъ поэзіи. Еще Ломоносовъ говорилъ, что «высокимъ штилемъ, то-есть, словено-россійскимъ, составляться должны греческія поэмы». Фонвизинъ является вѣрнымъ послѣдователемъ Ломоносовскаго ученія въ переводѣ «Іосифа». «Всѣ наши книги», говоритъ онъ въ предисловіи,—«писаны или славенскимъ или нынѣшнимъ языкомъ. Можетъ быть, я ошибаюсь; но мнѣ кажется, что въ переводѣ такихъ книгъ, каковъ «Телемакъ», «Аргенида»,«Іосифъ» и прочія сего рода, потребно держаться токмо важности славенскаго языка, но при томъ наблюдать и ясность нашего; ибо хотя славенской языкъ и самъ собою ясенъ, но не для тѣхъ, кои въ немъ не упражняются. Слѣдовательно, слогъ долженъ быть такой, коковаго мы еще не имѣемъ; «Телемакъ» переведенъ славенскимъ; а въ «Аргенидѣ» нашелъ я много нашихъ нынѣшнихъ выраженій, не весьма, кажется, сходственныхъ съ важностію сея книги. Итакъ, главное затрудненіе состояло въ избраніи слога. Множество приходило мнѣ на мысль славенскихъ словъ и реченій, которыя, не имѣя себѣ примѣра, принужденъ я былъ оставить, боясь или возмутить ясность, или тронуть нѣжность

слуха. Приходили мнѣ на мысль наши нынѣшнія слова и реченія, весьма употребительныя въ сообществѣ, но, не имѣя примѣру, оставлялъ я оныя, опасаясь того, что недовольно изобразятъ они важность авторской мысли». Такъ, натянутое содержаніе, теоріею узаконенное, вызывало у насъ неестественную форму; такъ появлялся странный, искусственный языкъ въ книгѣ намѣренно, на основаніи a priori составленнаго взгляда, отторгаясь отъ языка разговорнаго. Фонвизинъ думалъ внести въ литературный языкъ нашъ не только отдѣльныя славянскія слова, но многіе синтаксическіе обороты, исчезнувшіе въ теченіе исторической жизни языка. Вышла какая-то странная смѣсь, тотъ вялый, неорганическій, такъ сказать, слогъ, который такъ отталкиваетъ многихъ отъ знакомства съ нашими старыми писателями. Мы уже видѣли, какимъ способомъ знакомился Фонвизинъ съ славянскимъ языкомъ въ домѣ отца, который владѣлъ практическимъ знаніемъ славяно-церковнаго языка и старался передать его сыну. Фонвизинъ говоритъ, что чтенію у крестовъ и толкованіямъ отца обязанъ онъ, если имѣетъ въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое понятіе, «ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать не возможно». Это практическое знакомство съ славянскимъ языкомъ было, конечно, полезно Фонвизину для болѣе вѣрнаго пониманія реченій русскихъ, что̀ и оказалось въ «Опытѣ россійскаго сословника»; но оно же, при модномъ стремленіи нашихъ писателей прошлаго столѣтія изгонять варваризмы словами и оборотами языка славяно-церковнаго и при господствѣ вышеизложенной теоріи, оставило въ нѣкоторыхъ, особенно первыхъ произведеніяхъ Фонвизина всѣ вредныя слѣдствія чисто-нагляднаго знакомства съ языкомъ. Многіе слова и обороты славяно-церковнаго языка употребляются Фонвизинымъ совершенно не въ попадъ, потому что истинное значеніе ихъ часто не было ему извѣстно[1]). Выборъ перевода объясняется пра-

1) Въ примѣръ неудачнаго употребленія славянскихъ флексій и оборотовъ приведемъ слѣдующія фразы: «Добродѣтель, хотящая усты его вѣщати,

воучительною стороною поэмы: она всегда привлекала нашего автора.

Между тѣмъ писатель, преслѣдовавшій въ переводахъ своихъ нравственную цѣль, попалъ въ Петербургѣ въ общество людей, съ убѣжденіями которыхъ по характеру своего воспитанія Фонвизинъ не могъ сдружиться, но, увлекаясь своимъ остроуміемъ, онъ принесъ дань этому кружку «Посланіемъ къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ». О времени появленія въ печати этого посланія митрополитъ Евгеній передаетъ слѣдующее извѣстіе: «Оно сочинено и въ первый разъ появилось на свѣтъ 1763 года въ Москвѣ во время даннаго отъ двора народу публичнаго на сырной недѣлѣ маскарада, когда на три дни во всѣхъ московскихъ типографіяхъ позволена была свобода печатанія» [1]). Есть причины сомнѣваться въ вѣрности этого преданія. «Посланіе къ слугамъ» напечатано было въ ежемѣсячномъ изданіи: *Пустомеля* [2]) въ первый разъ, судя по слѣдующему любопытному замѣчанію о немъ издателя *Пустомели*: «Кажется, что нѣтъ нужды читателя моего увѣдомлять о имени автора сего посланія; перо, писавшее сіе, россійскому ученому свѣту и всѣмъ любящимъ

является въ очахъ его» (стр. 12). «Въ пеленахъ сущи, лишилась я своего родителя» (стр. 51). «По начатіи торжества сего Іаковъ, сѣдящи между ними юною пастушкой, не могъ сокрыти движеніе души своея» (стр. 55). «Потомъ обращся къ ней; и ты, рекъ онъ» и т. д. (тамъ же). «Іаковъ, отецъ мой, есть изобилующій паче прочихъ пастырь страны Ханаанейской» (стр. 42).

1) *Другъ Просвѣщенія* 1805 г., кн. 10, стр. 252.

2) *Пустомеля*, ежемѣсячное сочиненіе, 1770 годъ, мѣсяцъ іюнь. Въ Санктпетербургѣ (въ 32-ю д. л.) (стр. 93—105). Кто былъ издателемъ этого журнала— не извѣстно. Г. Буличъ говоритъ: « Есть извѣстіе, что издателемъ *Пустомели* былъ Аблесимовъ » (Сумароковъ и современная ему критика, стр. 272). Это извѣстіе основано на словахъ одного нѣмецкаго журнала, но, какъ намъ кажется, невѣрно понято. Есть довольно неизвѣстныхъ большею частію нашимъ изслѣдователямъ сочиненій Аблесимова въ еженедѣльномъ изданіи: *Разскащикъ забавныхъ басенъ, служащихъ къ чтенію въ скучное время, или когда кому дѣлать нѣчего* (М. 1783, 2 ч.); можно даже думать, что Аблесимовъ принималъ въ этомъ изданіи главное участіе. Отъ неточнаго перевода нѣмецкаго заглавія произошло, вѣроятно, то, что Аблесимову вмѣсто *Разскащика* приписали *Пустомелю*. «Посланіе къ слугамъ» напечатано въ *Пустомелѣ* совершенно такъ, какъ печатается обыкновенно въ собраніи сочиненій Фонвизина; только вмѣсто словъ: Петрополь, Москва и Петербургъ стоитъ: П***, М**, П***.

словесныя науки довольно извѣстно. Многія письменныя сего автора сочиненіи носятся по многимъ рукамъ, читаются съ превеликимъ удовольствіемъ и похваляются, сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и пріятность изображенія; словомъ, есть ли обстоятельствы автору сему позволятъ упражняться въ словесныхъ наукахъ, то не безосновательно и справедливо многія ожидаютъ увидѣть въ немъ россійскаго Боало. Его комедія *** столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лутчаго и Моліеръ во Франціи своимъ комедіямъ не видалъ принятія и не желалъ; но я умолчу, дабы завистниковъ не возбудить отъ сна, послѣднимъ благоразуміемъ на нихъ наложеннаго» [1]). Книжка *Пустомели*, въ которой напечатано «Посланіе къ слугамъ», была послѣднимъ мѣсяцемъ этого журнала; почему-то онъ прекратился на двухъ мѣсяцахъ. Прибавимъ, что *Пустомеля* составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость.

Современное извѣстіе о судьбѣ произведеній Фонвизина въ публикѣ само по себѣ не лишено интереса. Уже «Бригадиръ», котораго разумѣетъ *Пустомеля* подъ ***, поднялъ, какъ видно, гоненіе завистниковъ на нашего автора, а между тѣмъ дворъ и высшія государственныя лица осыпали автора самыми лестными знаками благосклонности. Комедію свою Фонвизинъ читалъ въ присутствіи самой императрицы, читалъ се и великому князю, и Панинымъ, и Чернышеву, и Строганову, и графинямъ Румянцовой, Бутурлиной, Воронцовой. Мы видѣли уже, что и «Коріонъ» «подвергся гоненію, хотя удостоился благосклонности двора». Кто были эти завистники, эти темные гонители писателя, преслѣдовавшаго невѣжество, ханжество, подражательность, однимъ словомъ, неразумную сторону русскаго общества? Что возмущало этихъ людей въ комедіяхъ Фонвизина? Неужели осмѣяніе попя-

---

[1]) *Пустомеля*, ежемѣсячное сочиненіе 1770 года, мѣсяцъ іюль, стр. 104—105

тій, которыя въ глазахъ многихъ были неприкосновенны? Во всякомъ случаѣ не простая зависть могла систематически преслѣдовать комедію Фонвизина отъ «Коріона» до «Недоросля»; во всякомъ случаѣ, нельзя съ благодарностью не замѣтить, что императрица и высшія государственныя лица являлись заступниками комедіи и давали ей средства со сцены поражать испорченныя части русскаго общества. Двору, конечно, не чужда была сфера, которую обрисовывалъ Фонвизинъ своимъ комическимъ перомъ. Говорятъ, что «онъ жилъ въ столицѣ, а описывалъ провинцію»; что «изображенныя имъ лица вѣрны и подсмотрѣны съ природы, но сходство ихъ было почти отвлеченное, безъ живого примѣненія къ лицамъ, предъ коими онѣ были выведены». Едва ли можно ограничить комедію Фонвизина чисто провинціальнымъ кругомъ общества и провести между провинціальною и столичною жизнію нашею въ прошломъ столѣтіи такую рѣзкую грань, что только изрѣдка и какъ бы невзначай попадали лица одной въ другую. Не говоря уже о томъ, что между тою и другою сферою существуетъ постоянное живое общеніе, мы можемъ современными Фонвизину свидѣтельствами подтвердить, что въ комедіяхъ его картинъ столичной жизни болѣе, чѣмъ провинціальной. Начнемъ съ «Бригадира». Сынъ, побывавшій въ Парижѣ и потому превратившійся въ моднаго петиметра, — живое лицо столичнаго общества, большаго моднаго свѣта, въ которомъ такъ много ему подобныхъ и такой широкій разгулъ его моднымъ французскимъ достоинствамъ. Какъ и образоваться такому лицу въ провинціи? Онъ знаетъ, «что это такое, que de vivre dans le grand monde». Стоитъ пересмотрѣть наши журналы того времени, чтобы видѣть, какъ сильно преслѣдовали они петиметровъ и русскихъ парижанъ, какъ вездѣ являются они принадлежностью столичной жизни. *Трутень* объявлялъ въ своихъ рѣзкихъ «Сатирическихъ вѣдомостяхъ»: «Молодого россійскаго поросенка, которой ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и которой, объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающіе смотрѣть, могутъ

его видѣть безъ денежно по многимъ улицамъ сего города» [1]). Извѣстіе «Изъ Твери» показываетъ, что на такихъ людей смотрѣли, какъ на исключительную принадлежность столицы [2]). А Совѣтница, эта необходимая принадлежность тогдашняго большаго свѣта, которую журналы называютъ общимъ терминомъ Щеголихи, неужели болѣе относится къ провинціальной, чѣмъ къ столичной жизни? Прислушаемся къ ея разговору: «Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, которой былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, которой въ Парижѣ не былъ». «Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться на вѣки дурою». «Не ужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить станешь». «Оставьте такіе разговоры. Развѣ не льзя о другомъ дискютировать? Выбрали такую серіозную матерію, которой я не понимаю». «Чортъ меня возми, ежели грамматика къ чему-нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты» [3]). Вотъ понятія щеголихи и языкъ, которымъ она выражается. Если захотите прослѣдить этотъ типъ въ журналахъ, начиная съ *Трутня* до *Собесѣдника* (1769—1783), вы не найдете особенныхъ измѣненій. Типъ этотъ столичный, а столица доступнѣе чужому вліянію, чѣмъ провинціальная глушь: туда онъ переходилъ уже изъ столицъ. Во времена Фонвизина этотъ типъ въ столицахъ не былъ еще отжившимъ, напротивъ былъ въ полной силѣ. Дружное нападеніе журналовъ на личность щеголихи прекрасно объясняетъ роль Совѣтницы. «Необходимо также», говоритъ щеголь,—«долженъ я

---

1) *Трутень*, еженедѣльное изданіе на 1769 годъ, листъ VI, стр. 45—46.
2) *Трутень*, листъ IX, стр. 69.
3) См. 1-е явленіе «Бригадира».

умѣть портить руской языкъ и говорить нынѣшнимъ щегольскимъ женскимъ нарѣчіемъ»[1]). *Живописецъ* извѣщаетъ, что наилучшихъ книгъ «и въ десятую долю противъ романовъ не покупаютъ»[2]). Въ pendant къ объясненіямъ Совѣтницы можно привести слѣдующее письмо Щеголихи къ издателю *Живописца*: «Ты, радость, безпримѣрной авторъ. По чести говорю, ужесть какъ ты славенъ; читая твои листы, я безподобно утѣшаюсь; какъ все у тебя славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающи. По чести скажу, что твои листы вѣчно меня прельщаютъ; клянусь, что я всегда фельетирую ихъ безъ всякой дистракціи. Да и нельзя не такъ; ты не грустенъ, шутишь славно, и твое перо по бумагѣ бѣгаетъ безподобно. Ужесть, ужесть, какъ прекрасны твои листы! Но сказать вокругъ насъ, ты много долженъ мнѣ: уморить ли, радость? Вѣть мнѣніе-то Щеголихино[3]) ты у меня подтяпалъ... ха! ха! ха! Клянусь, спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ, они тебѣ скажутъ, что я всегда ето говорила; но ето ничево не означитъ. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всего ты ластишь меня тѣмъ, что никакъ со мною не споришь; а особливо, когда говорилъ о наукахъ, ты это такъ славно прокричалъ! Чортъ меня возьми, какъ книга! А при томъ ты всегда стараешся оказывать намъ учтивости; не такъ какъ нѣкоторый грубіянъ, сочиня комедію, одну изъ подругъ моихъ вытащилъ на театръ. Куда какъ онъ много выигралъ? Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ расхохочутся до смерти; анъ право никто изъ нашихъ сестеръ и учтивыхъ мущинъ и не улыбнулся, а смѣялись только... Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. Ужесть какъ славно онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ Фирлифюшковымъ: совсѣмъ тѣмъ, подобные ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи, а его Дремовъ никогда не выдетъ изъ дураковъ. Еслибъ узнала я етого автора,

1) *Живописецъ*, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе, листъ 4-й, стр. 30.

2) Тамъ же, листъ 6-й, стр. 43—44.

3) Въ 1-мъ листѣ *Живописца* изложены были мысли щеголихи о наукахъ и литературѣ.

то оттѣнила бы сама его безподобно. Я никакъ на него не сердита: онъ меня никакъ не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что я ево никакъ не могу терпѣть. Въ первой его комедіи [1]) я и сама до смерти захохоталась: ужесть, какъ славно шпетилъ онъ нашихъ бабушекъ; а ета комедія такую сдѣлала дистракцію и такую грусть, что я поклялась никакъ на именины не ѣздить. Правда, ты и самъ зацепился, но это шуткою; а за шутки мы никакъ не сердимся: напротивъ того, ты бранишъ однихъ только деревенскихъ дураковъ» [2]). Не двойникъ ли это Совѣтницѣ? А между тѣмъ кто же признаетъ ее принадлежностью провинціальнаго общества? И сама она прямо отличаетъ себя отъ «деревенскихъ дураковъ». Родина Бригадирши — Москва; это засвидѣтельствовано самимъ авторомъ. Н. И. Панинъ сказалъ Фонвизину: «Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу». Совѣтникъ тоже служилъ въ коллегіи, въ Москвѣ [3]), и очень напоминаетъ собою стараго лицемѣра, описаннаго въ *Трутнѣ* [4]). Остается роль Бригадира; но и она принадлежитъ столько же провинціальной, сколько и столичной жизни. Дѣйствіе въ провинціи не даетъ еще права называть и лица комедіи исключительною принадлежностью провинціальной жизни. Свидѣтельства современниковъ всегда важнѣе догадокъ и предположеній позднѣйшаго біографа, а мы видѣли, что личности Фонвизинскихъ комедій подъ другими именами встрѣчаются постоянно въ сатирической журнальной литературѣ, какъ необходимая принадлежность столицы. Живое сочувствіе, съ какимъ встрѣченъ былъ «Бригадиръ» образованною частію общества, было слѣдствіемъ сознанія, что лица комедіи вѣрны дѣйствительности, и не провинціальной, а столичной сферѣ. Мы предположили бы

1) Комедія императрицы Екатерины II: «О время!»
2) *Живописецъ*, листъ IX, стр. 65—66.
3) Бригадиръ, дѣйствіе I, явленіе 2-е.
4) *Трутень* 1769 г., листъ II, стр. 6.

слишкомъ мало практическаго смысла и въ авторѣ комедіи, и въ тѣхъ, которые съ восторгомъ встрѣтили его произведенія, еслибъ сказали, что «авторъ и публика его не были въ борьбѣ лицомъ къ лицу и рука съ рукою». Эта борьба была, и гоненія на комедію Фонвизина — лучшій тому свидѣтель. Эта борьба была, и потому съ восторгомъ встрѣтили «Бригадира» тѣ, которые отъ литературы ожидали прямого и самаго благотворнаго дѣйствія на общественную жизнь.

Въ *Трутнѣ* напечатана была слѣдующая «Вѣдомость съ Парнаса»: «Здѣсь все въ великомъ замѣшательствѣ: славныя стихотворцы, обезображенныя худыми переводами, чрезвычайно огорчились и просили Аполлона о заступленіи. Всѣ музы, прославленныя въ Россіи г. С., приходили къ своему отцу и со слезами жаловались на дерзновеніе молодыхъ писателей: Мельпомена и Талія проливали слезы и казались неутѣшными. Великій Аполлонъ увѣрялъ ихъ, что сіе здѣлалось безъ его позволенія, и что онъ для разсмотрѣнія сего дѣла повелитъ собрать чрезвычайной совѣтъ; а между тѣмъ показалъ Таліи новую Русскую комедію ****, сочиненную однимъ молодымъ писателемъ. Талія, прочитавъ оную, приняла на себя обыкновенной свой веселой видъ и сказала Аполлону, что она сего автора со удовольствіемъ признаетъ своимъ законнымъ сыномъ. Она и записала его имя въ памятную книжку въ число своихъ любимцевъ» [1]). *Трутень*, видѣвшій въ комедіи только средство къ исправленію нравовъ, не отозвался бы такъ благосклонно о піэсѣ, въ которой не было «живаго примѣненія къ лицамъ, предъ коими онѣ были выведены». Напротивъ, за это «живое примѣненіе» и хвалили комедію Фонвизина [2]).

Мы видѣли, какъ приняли на свой счетъ комедію императрицы Екатерины II «Имянины Госпожи Ворчалкиной» Щего-

---

1) *Трутень* 1769 г., листъ XVIII, стр. 138—139.

2) Ср. эпиграмму, напечатанную въ 3-й части *Собесѣдника любителей Россійскаго слова*, стр. 38—39.

лихи, которыя узнали себя въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ ея. Сличеніе комедіи Фонвизина съ комедіями императрицы можетъ подтвердить ту мысль, что авторъ «Недоросля» не ограничивалъ своей сатиры списываніемъ провинціальной жизни. Фирлифюшковъ и Олимпіада—тѣ же лица, что Совѣтница и сынъ Бригадира, а Дремовъ — тотъ же Правдинъ «Недоросля». Комедія: «О время!» въ лицѣ Ханжахиной вывела тотъ же порокъ, который осмѣянъ въ «Бригадирѣ». Безсмысленная вѣра въ букву, наружное благочестіе, въ сущности же совершенное равнодушіе къ религіи и напоминаніе ея — вотъ черты общія Совѣтнику и Ханжахиной. Это — выродки старой Руси, не затронутые Петровскимъ преобразованіемъ. Они были равно возможны въ столицѣ и въ провинціи. О своей комедіи императрица сама сказала печатно: «При сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи: слѣдовательно, не выходя изъ дому своего, нашолъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такова, каковымъ я свое почитаю» [1]). Эта семья, этотъ домъ автора комедіи была столица, въ самомъ дѣлѣ представлявшая обширное поле къ составленію забавнаго позорища. Здѣсь были не только Бригадиры, Совѣтники, Стародумы, Правдины, но и Простаковы, Вральманы, Кутейкины, Цифиркины, хотя, разумѣется, въ столицѣ они принадлежали къ болѣе низкимъ слоямъ общества, нежели въ провинціи. Записки Данилова, его разсказъ объ учителѣ московской артиллерійской школы Алабушевѣ показываютъ, что не въ одной провинціи были такіе учителя, какъ Кутейкинъ и Цыфиркинъ; Вральманы нестоличные дожили до нашего вѣка. Только личности Скотинина и Простаковой болѣе, чѣмъ другія, носятъ на себѣ провинціальныхъ чертъ. Но самодовольное невѣжество Простаковой, но воспитаніе, которое даетъ она сыну, и этотъ Митрофанушка, выросшій въ душной

---

1) *Живописецъ*, листъ 7, стр. 49.

атмосферѣ невѣжества и безнравственности, развѣ не были язвою, столь же общею столицамъ, какъ и провинціямъ? Конечно, столичный Митрофанушка не полѣзъ бы на голубятню, а сдѣлался бы петиметромъ или игрокомъ, но насмѣшка комика надъ недорослями не теряетъ отъ того своей силы. Трудно допустить, что Фонвизинъ не призывалъ оригиналовъ своихъ на очную ставку съ уличительными портретами: нѣкоторыя мелкія особенности провинціальной жизни въ его комедіяхъ отпадали, и въ глазахъ зрителя оставались личности, хорошо ему знакомыя, повседневно ему встрѣчавшіяся. Правда, что настоящіе Простаковы въ глуши губерній и деревень могли не знать, что дворъ надъ ними смѣется; но это не вина комическаго автора: столичные же Простаковы, конечно, узнавали себя легко въ комедіи Фонвизина. Наши журналы прошедшаго столѣтія, рисуя сатирическія картины современнаго общества, невольно сталкивались по своему содержанію съ комедіей. Задача ихъ была одна и та же; потому они взаимно дополняютъ и объясняютъ другъ друга. Фонвизинъ вполнѣ сочувствовалъ сатирическому направленію нашей журналистики, самъ по возвращеніи изъ-за границы въ 1788 году думалъ издавать журналъ, и потому весьма вѣроятно, что онъ принималъ участіе въ *Трутнѣ*, *Живописцѣ* и др. [1]). Въ послѣднемъ еженедѣльникѣ, по крайней мѣрѣ, перепечатано было написанное Фонвизинымъ «Слово на выздоровленіе Его Императорскаго Высочества, государя цесаревича великаго князя Павла Петровича» [2]). Къ сожалѣнію, сотрудники нашихъ сатирическихъ журналовъ, двигатели лучшей, благороднѣйшей части старой литературы, почти совершенно намъ неизвѣстны; многія подписи подъ статьями рѣшительно не объяснимы, другія разоблачаются только послѣ усильныхъ трудовъ. Въ настоящее время рѣшить вопросъ объ участіи Фонвизина въ старыхъ журналахъ не возможно. Но при своемъ живомъ взглядѣ на обще-

---

1) Теософическихъ мнѣній Новикова не раздѣлялъ Фонвизинъ. Сочиненія, стр. 406.

2) *Живописецъ*, часть II, листъ 3, стр. 226—232; листъ 4, стр. 322—339.

ственное значеніе литературы, едва ли авторъ «Недоросля» могъ не принимать никакого участія въ журналахъ, которые были прямыми памфлетами на дурныя стороны русской жизни. Только въ молодости, когда еще не сложился у него сознательный взглядъ на литературу, только въ молодости перевелъ Фонвизинъ трагедію Вольтера; потомъ онъ уже оставилъ этотъ родъ въ сторонѣ. Къ автору лучшихъ трагедій своего времени Княжнину онъ не чувствовалъ никакого уваженія, судя по слѣдующему «Дружескому увѣщанію Княжнину»:

Когда не можешь ты Пегаса осѣдлать,
Почто тебѣ на немъ охота разъѣзжать?
На не осѣдланномъ конѣ скакать опасно:
Паденіе съ него случается несчастно;
Пегасу надобно покрѣпче сѣдока,
Онъ на себѣ терпѣть не можетъ дурака.
И какъ тебя на немъ мнѣ видѣть ни случалось,
Мнѣ страшно съ стороны то зрѣніе казалось.
А паче всево (?), какъ въ послѣдній разъ скакалъ,
Ты самъ себѣ, дуракъ, погибели искалъ.
Вдругъ кажешься ты намъ уже подъ небесами,
Вдругъ чортъ тебя несетъ на землю вверхъ ногами,
И самого тебя всего объемлетъ страхъ.
Не самъ ли ты сказалъ, что разобьешься въ прахъ?
Когда же и во адъ оттолѣ ты сойдешь,
То мѣсто и въ аду, проклятый, не найдешь.
Не погуби себя, послушай ты меня:
Пожалуй, поскоряй слѣзай долой съ коня,
И видя, что твои желанья неудачны,
Сокройся ты опять во рвы забвенья мрачны [1]).

Фонвизинъ избралъ себѣ нравоучительный родъ произведеній и остался вѣренъ ему съ перваго перевода до послѣдняго произведенія своего, если исключить отсюда «Посланіе къ слугамъ» и «Матюшку яблочника».

---

1) Это не изданное стихотвореніе Фонвизина находится въ рукописи Императорскаго Казанскаго университета № 19953.

Въ одинъ годъ съ появленіемъ комедіи: «О время!» и *Живописца* поставленъ былъ на сцену «Недоросль». Современное извѣстіе говоритъ объ этой комедіи: «Представлена въ первой разъ въ Санкпетербургѣ, Сентября 24 дня 1772 года, на щотъ перваго придворнаго актера г. Дмитревскаго, въ которое время несравнено театръ былъ наполненъ и публика апплодировала піесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ Мамы игралъ бывшей придворной актеръ г. Шумской къ несравненному удовольствію зрителей, а на Московскомъ театрѣ роль сія представлена вольнымъ Московскаго театра актеромъ г. Ожогинымъ также къ совершенной забавѣ публики. Сія комедія, наполненная замысловатыми израженіями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждой въ своемъ характерѣ изреченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики»[1]). Извѣстно, что Потемкинъ послѣ перваго представленія «Недоросля» сказалъ автору: «Умри, Денисъ, или больше ничего не пиши!» Нашлись однако недовольные и «Недорослемъ» и подняли на него сильное гоненіе, такъ что актеры не хотѣли играть комедіи по злобѣ нѣкоторыхъ лицъ[2]). При постановкѣ «Недоросля» на московской сценѣ встрѣтились также большія препятствія. Авторъ писалъ по этому случаю къ содержателю Московскаго театра Медоксу: «Mon frère vous a remis, j'éspère, le papier en question et vous a expliqué, mon cher Medox, la résolution, que j'ai pris pour faire taire tous les propos, occasionnés par l'opiniatreté de votre censeur. Votre longue (sic) silence ne m'a prouvé que trop le mauvais succès de vos demarches pour obtenir la permission. J'ai mis fin à la chicane, et il me semble que par là je vous ai prouvé la permission la plus authentique de jouer ma pièce, puisque les comédiens de la cour de Sa Majesté Impériale sur le théatre publique, avec la permission par écrit de la part du gouvernement, l'ont represanté le 24 de ce mois. Vous pouvez assurer mr. le censeur, que dans toute ma

1) Драматическій Словарь. Москва. 1787, стр. 88, 89.

2) Свидѣтельство современника, графа Д. И. Хвостова. *Невскій зритель*, ч. III, 1820 г., С.-Пб., стр. 253, 258.

pièce, par conséquent dans les passages, qui l'ont fort effrayé, on n'a pas changé une syllabe. Le succés était complet. Comme je vous souhaite infiniment du bien, je vous laisse ma pièce, mais je vous demande votre parole d'honneur d'observer le plus inviolablement mon ancienne condition, c'est de ne prêter à personne ma comédie et de ne jamais la faire sortir de vos mains, car je ne veux pas encore la rendre publique. Tout à vous».

«Бригадиромъ» упрочена была литературная извѣстность Фонвизина. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ являлся уже почетнымъ гостемъ на литературныхъ собраніяхъ Мятлевой; въ нихъ принимала участіе и А. И. Приклонская, къ которой Фонвизинъ привязался почти до страсти. Въ 1773 году Панинъ, окончивъ воспитаніе великаго князя Павла Петровича, получилъ отъ императрицы 9000 душъ; четыре тысячи изъ нихъ раздѣлилъ онъ между тремя изъ своихъ подчиненныхъ, «сотрудниками своими въ отправленіи дѣлъ политическихъ»; въ числѣ награжденныхъ былъ Фонвизинъ. Подарокъ этотъ былъ ему очень кстати, потому что около того же времени онъ женился на молодой вдовѣ изъ рода купцовъ Роговиковыхъ.

Нездоровье жены заставило Фонвизина въ 1777 году предпринять путешествіе во Францію. Монпелье былъ главною цѣлью поѣздки. Подробности о пребываніи нашего автора за границею въ это время извѣстны изъ писемъ его къ графу П. И. Панину и къ сестрѣ. Разбирая эту переписку, какъ произведеніе литературное, въ ней видѣли какой-то узкій взглядъ на заграничную жизнь, ожесточеніе противъ нея, даже вражду къ просвѣщенію. Не всегда можно обвинять Фонвизина за то, что въ письмахъ, назначенныхъ не для публики, онъ рисуетъ европейскую жизнь черными красками; въ этомъ случаѣ онъ не исключеніе изъ современныхъ ему иностранныхъ туристовъ, порожденное слѣпою, неограниченною привязанностію къ своему; напротивъ, онъ принадлежитъ къ цѣлому разряду туристовъ, подобнымъ же образомъ описывавшихъ европейскія страны. Авторъ книги «Италіанцы или нравы и обычаи Италіи» начи-

наетъ ее такимъ образомъ: «Немногія сочиненія принимаются публикою такъ благосклонно, какъ тѣ, въ которыхъ господствуетъ сатира. Отсюда этотъ успѣхъ, который имѣли всѣ описанія путешествій, появляющіяся съ нѣкотораго времени: ихъ ищутъ, читаютъ съ живѣйшимъ интересомъ, потому что они представляютъ болѣе оцѣнку (censure), нежели исторію народовъ, съ которыми берутся познакомить... Авторъ, бросивши поверхностный взглядъ на посѣщенныя страны, возвращается въ отечество, беретъ перо, чтобы обнародовать свои великія открытія, и наполняетъ книгу обидными разсказами, крайними нелѣпостями, перемѣшивая ихъ съ возмутительными сказками о мнимыхъ преступленіяхъ. Онъ силится убѣдить читателя, что эти преступленія и нелѣпости не суть частныя дѣйствія того или другого лица, но грустный результатъ порочныхъ наклонностей народа, которыя онъ изучалъ взоромъ мелочнаго наблюдателя. Неопытный читатель смѣется глупымъ крайностямъ, которыя приписываются народу, и благословляетъ Небо за то, что не рожденъ въ этихъ преступныхъ странахъ» [1]). Такими чертами изображаетъ туристовъ-порицателей приверженецъ другого метода описанія странъ. Фонвизинъ велъ за границею не такую жизнь, чтобъ изучить народъ и страну, въ которой жилъ. Для описанія ихъ онъ обращался къ книгамъ. «Парижа описывать вамъ не хочу», пишетъ онъ къ роднымъ,—«потому что вы изъ книгъ также его узнаете, какъ я» [2]). Какому же роду «путешествій» отдаетъ преимущество Фонвизинъ? Конечно, сатирическому. Самъ онъ, по природной склонности къ насмѣшливости, смотрѣлъ на заграничную жизнь глазами сатирика и описанія путешествій выбиралъ также написанныя въ сатирическомъ духѣ. «Я лучше хочу не быть читанъ, нежели быть скученъ», говоритъ Фонвизинъ въ письмѣ Козодавлеву. Сатирическое изображеніе народа и страны давало ему средство избѣжать скучнаго изложенія.

1) Les Italiens, ou moeurs et coutumes d'Italie. Ouvrage traduit de l'Anglais de M. Baretty. 1773, pp. 1—3.

2) Сочиненія, стр. 372.

Часто, знакомясь съ описываемою страною изъ книгъ, Фонвизинъ оттуда же извлекалъ и свои обвиненія. Такъ напримѣръ, въ письмахъ его къ сестрѣ изъ второго путешествія есть заимствованія изъ журнала того времени (1783 г.) *Litteratur und Völkerkunde*. Отсюда переведенъ почти весь разсказъ о Пизѣ[1]). Можетъ быть, причиною ожесточенія Фонвизина на французскихъ философовъ было то общество, въ которое попалъ онъ въ Петербургѣ, и въ которомъ не могъ онъ не видѣть вліянія французской философіи, хотя и извращенной. Во всякомъ случаѣ обвиненія, на которыя такъ щедръ онъ въ своей заграничной перепискѣ, были очень распространены въ то время въ сочиненіяхъ европейскихъ путешественниковъ.

Въ 1784 году Фонвизинъ въ третій разъ отправился за границу, съ цѣлію посѣтить особенно Италію; въ 1785 году онъ возвратился въ Россію. Въ слѣдующемъ году онъ снова предпринялъ путешествіе для поправленія разстроеннаго своего здоровья, жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣнѣ, потомъ пользовался цѣлительными водами въ Карлсбадѣ, Трепчинѣ. Письма изъ этого путешествія и журналъ его — грустная historia morbi Фонвизина. Въ послѣднихъ числахъ августа[2]) 1785 года ударъ паралича лишилъ его употребленія руки, ноги и языка — «безъ чего истинно жизнь моя мнѣ въ тягость», замѣчаетъ онъ.

Къ сожалѣнію, мы не много знаемъ о частной жизни Фонвизина, особенно въ послѣдніе годы. Въ 1768 году Елагина, его начальника, смѣнилъ Стрекаловъ. Кромѣ Н. И. и П. И. Паниныхъ, нашъ авторъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ со многими знаменитыми личностями своего времени. Къ Н. И. Панину онъ былъ очень привязанъ и пользовался благодѣяніями его до самой смерти вельможи. Съ П. И. Панинымъ онъ велъ

---

1) Ср. письма Фонвизина изъ Италіи съ статьею: «Aus dem ungedruckten Tagebuche eines Reisenden»; она перепечатана въ *St.-Peterburgische Bibliothek der Journale, welche in Russland, Deutschland, England, Frankreich und Schweden herauskommen*, 1783, December.

2) Фонъ-Визинъ, соч. князя *Вяземскаго*, стр. 155, 170.

безпрерывную переписку, сообщалъ ему важнѣйшія депеши и бумаги, спрашивалъ его мнѣнія о нихъ. Расположеніе Панина доставляло Фонвизину случай ходатайствовать за своихъ друзей и товарищей, къ которымъ онъ сохранялъ постоянную привязанность. «Ежели отпустятъ меня паче чаянія», писалъ къ нему А. Ил. Бибиковъ, — «то буду я самолично тебя благодарить за всѣ твои дружескія мнѣ въ бытность здѣсь (въ Польшѣ) одолженія». «Будьте увѣрены», писалъ къ Фонвизину Я. И. Булгаковъ, университетскій его товарищъ, — «что все мое стараніе обращу заслужить вашу довѣренность и вселить въ васъ мнѣніе, что и въ глуши есть люди, кои умѣютъ отдавать справедливость имѣющимъ достоинства». Въ другомъ письмѣ къ нему Булгаковъ говоритъ: «Еслибъ въ первомъ случаѣ, который далъ мнѣ познать доброе ваше сердце и почувствовать плоды вашего обо мнѣ попеченія, отказали вы мнѣ помощь вашу, я бы меньше, признаюсь, васъ любилъ, но оставилъ бы въ покоѣ и тишинѣ пользоваться всѣмъ хорошимъ въ вашемъ мѣстѣ, не требуя, чтобы вы удѣлили и на насъ, бѣдныхъ, свѣта лучей, изливаемыхъ на васъ отъ солнца» и т. д. Другой товарищъ Фонвизина по университету, Марковъ, находясь въ Варшавѣ подъ начальствомъ нашего министра при Польскомъ дворѣ Сальдерна, потерпѣлъ отъ послѣдняго несправедливое заключеніе и обиды. Марковъ письмомъ просилъ Фонвизина о ходатайствѣ передъ Панинымъ и былъ въ самомъ дѣлѣ оправданъ.

Финансовыя обстоятельства Фонвизина никогда не были въ блестящемъ положеніи. Процессъ и отдача денегъ въ заемъ разстроивали его небогатое состояніе. Въ 1778 году онъ писалъ изъ-за границы: «Дорога, трактиръ и аптека стоятъ мнѣ гораздо больше, нежели я воображалъ. Кредитива моего только что стало сюда (до Парижа) доѣхать, а здѣсь нашелъ дороговизну несказанную въ вещахъ необходимыхъ, а въ излишнихъ дешевизну безпримѣрную. Квартира, столъ, карета стоятъ вдвое противъ петербургскаго; галантерейныя вещи, платье, книги, эстампы и пр. тоже или и дешевле. Платье нашелъ здѣсь из-

лишнимъ для того, что здѣсь и безъ него обойтиться можно. Мы ходимъ благополучно въ трауръ, и тотъ почитается уже хорошо одѣтымъ, кто одѣтъ чисто; но такъ какъ здѣсь обычай носить трауръ для экономіи, то великая была бъ для насъ экономія, еслибъ могли мы сдѣлать здѣсь по нѣскольку платьевъ на чистыя деньги, ибо въ долгъ если бъ—пришлось бы не дешевле петербургскаго. По расположенію, которое сдѣлалъ въ моихъ доходахъ, я, конечно, могу съ сими доходами пріѣхать въ Петербургъ, но уже не воспользуюся ни въ чемъ здѣшнею дешевизною и не могу купить ничего ни для себя, ни для пріятелей. Тысячи рублевъ было бы предовольно на покупки. Итакъ, если весь мой доходъ собранъ былъ исправно, то нижайше васъ прошу перевесть еще тысячу на покупки изъ денегъ, занятыхъ у меня княземъ Гагаринымъ» и т. д. Изъ Москвы Фонвизинъ писалъ къ Пассеку отъ 4-го февраля 1784 года: «За милостивое покровительство ваше по дѣлу моему съ графинею Гендриковою, какъ и за почтеннѣйшее письмо ваше отъ 20 прошедшаго мѣсяца, приношу вашему высокопревосходительству покорнѣйшее благодареніе. Я отдаю на собственный вашъ судъ, не прискорбно ль бъ мнѣ было за то, что у меня похищено наглымъ образомъ, взять половину той цѣны, за которую бы я ей не продалъ добровольно, а сверхъ того, и съ издержекъ моихъ также принять на мой счетъ половину. Я, конечно, имѣю все почтеніе къ ея полу и къ ея лѣтамъ; но знаю то, что для нея, по ея богатству, 2500 р. ничего не значатъ, и что несогласіе ея происходитъ, откровенно сказать, отъ одной скупости. Ваше высокопревосходительство знаете мою къ вамъ совершенную преданность, за которую подали мнѣ новый знакъ вашего ко мнѣ благодѣянія. Я имѣю къ вашему правосудію такую полную довѣренность, что за счастіе почту, если вы, милостивый государь, возьмете трудъ на себя рѣшить дѣло совѣстнымъ образомъ. Я напередъ даю вамъ честное слово повиноваться всему тому, что вы присудите; пусть то же сдѣлаетъ графиня Гендрикова. Ваше рѣшеніе пусть будетъ для обѣихъ насъ безъ апелляціи. Я, съ одной стороны,

увѣренъ, что вы ни мнѣ для графини, ни ей для меня никакого предпочтенія не сдѣлаете, а съ другой — могу васъ увѣрить, что у меня въ головѣ нѣтъ взять съ нея больше, нежели что̀ слѣдуетъ мнѣ по правосудію. Ожидая отъ васъ, какъ отъ моего благодѣтеля, сего новаго опыта вашей ко мнѣ милости, пребываю и пр.»[1]). Въ письмѣ къ роднымъ отъ 7-го августа 1785 года Фонвизинъ также жалуется на разстройство своихъ дѣлъ; однако же онъ умеръ, не оставивши никакихъ послѣ себя долговъ.

Но возвратимся къ его литературной дѣятельности.

Въ 1783 году началось изданіе *Собесѣдника любителей Россійскаго слова.* Фонвизинъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе. Уже въ первой части этого журнала находимъ «Опытъ Россійскаго сословника» (стр. 126—134), который продолжался въ нѣсколькихъ книжкахъ *Собесѣдника*[2]). Большею частію опредѣленія значенія синонимическихъ словъ заимствованы изъ «Synonymes François» аббата Жирара; рѣдко извлекаются они изъ употребленія словъ въ языкѣ славянскомъ и русскомъ. Но, заимствуя у Жирара опредѣленія синонимовъ и примѣры, Фонвизинъ старается примѣнить послѣдніе къ русской жизни, или къ объясненіямъ французскаго аббата подставляетъ русскіе примѣры[3]). Нѣкто Любословъ, въ посланіи къ издателямъ *Собесѣдника*[4]), напалъ на нѣкоторыя мѣста «Сословника», и Фонвизинъ написалъ ему колкій и остроумный отвѣтъ въ томъ же *Собесѣдникѣ.* Въ четвертой части *Собесѣдника* находимъ статью: «Повѣствованіе мнимаго Глухаго и Нѣмаго», писанную, какъ увѣряетъ С. Н. Глинка[5]), Фонвизинымъ. Здѣсь очень

1) Черновой подлинникъ этого послѣдняго письма хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

2) *Собесѣдникъ,* IV, 143; X, 137.

3) «Le fainéant aime à être desocuvré; il haït l'occupation et fuit le travail», читаемъ у Жирара. У Фонвизина иначе: «Праздный обыкновенно шатается или безъ дѣла у двора, или въ непрестанныхъ отпускахъ, или не служа въ отставкѣ, и исчезаетъ съ именемъ презрительнаго тунеядца» и т. д.

4) *Собесѣдникъ,* II, 106—117.

5) *Руской Вѣстникъ въ пользу семейственнаго воспитанія,* издаваемый *С. Глинкою,* 1815 г., кн. 2, стр. 64.

рѣзко и смѣло очерчены нѣкоторые провинціальные типы того времени; жаль, что эта любопытная, по видимому, не лишенная намековъ на нѣкоторыя живыя личности статья не имѣла продолженія. Одно изъ описываемыхъ лицъ напоминаетъ живо Скотинина: «Съ правой стороны», говоритъ авторъ, — «главный нашъ сосѣдъ былъ отставной маіоръ изъ салдатскихъ дѣтей, по женѣ разбогатѣвшій, и назывался, какъ теперь помню, Пиминъ Прохоровъ сынъ Щелчковъ. Онъ былъ мужикъ пресильной, и человѣкъ преглупой, превеликаго росту, и прениськова духу, по вся дни пилъ, весь день былъ пьянъ, а ночи сыпалъ багатырскимъ сномъ. Пьяной былъ неугомоненъ. Лутчая его въ деревнѣ забава состояла въ томъ, чтобъ выбравъ сильныхъ мужиковъ ставить ихъ на колѣни, и щелкать по лбу. Онъ въ семъ искуствѣ такъ отмѣнно былъ силенъ, что во всемъ его селѣ не было лба, у котораго бы онъ однимъ щелчкомъ не отшибалъ памяти». Такова была сатира въ журналѣ, въ которомъ императрица принимала живое участіе, печатая въ немъ произведенія своего пера. Съ своимъ яснымъ взглядомъ на писателя Фонвизинъ не разъ касался въ своихъ мелкихъ статьяхъ важныхъ вопросовъ общественныхъ и государственныхъ. Въ «Челобитной Россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей» онъ выставляетъ шаткое, неопредѣленное мѣсто русскаго писателя въ обществѣ, презрѣніе, съ которымъ смотрѣли на литераторовъ люди должностные. Послѣдніе составили опредѣленіе: «1) всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять; 2) всѣхъ таковыхъ при дѣлахъ уже находящихся отъ дѣлъ отрѣшать». Писатели, въ лицѣ Фонвизина, просятъ императрицу: «дабы Вашего божественнаго Величества указомъ повелѣно было сіе наше прошеніе принять, и таковое беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить; насъ же, яко грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы именованные служа россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы Вашего Величества»[1]. Біографіи нашихъ

1) *Собесѣдникъ*, IV, 7—10.

писателей прошлаго столѣтія свидѣтельствуютъ, что взглядъ на писателя, какъ на человѣка, неспособнаго къ серьезной работѣ, служебному поприщу, былъ очень распространенъ въ то время. Державинъ, испытывавшій на себѣ всѣ непріятности подобнаго взгляда со стороны своего начальника, энергически вооружился противъ подобной мысли; протесту противъ него Фонвизинъ придалъ еще большее значеніе. Нигдѣ впрочемъ съ такою силою и смѣлостью Фонвизинъ не высказалъ роли писателя, какъ въ «Вопросахъ сочинителю Былей и Небылицъ»[1]). Здѣсь хотѣлъ онъ коснуться вопросовъ, «могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе». Но вопросы предложены были императрицѣ слишкомъ рѣзко, слишкомъ живо задѣвалъ авторъ нѣкоторыя струны нашего общественнаго устройства; императрицѣ не понравилось это какъ бы фамиліарное обращеніе къ ней, и продолженія «Вопросовъ», вопреки обѣщанію автора, не было. Екатерина противоставила имъ ловкіе отвѣты, но она была недовольна «свободоязычіемъ» Фонвизина и дала ему это замѣтить. Въ статьѣ «Былей и Небылицъ», напечатанной въ слѣдующей книжкѣ *Собесѣдника*, очень ясно высказала императрица свое мнѣніе о «Вопросахъ». Вотъ какой отзывъ произноситъ дѣдушка, герой «Былей и Небылицъ»: «Молокососы! не знаете вы, что я знаю; въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства; намъ подобные обороты кажутся не умѣстны; шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка; тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ». Другой герой «Былей», прочитавъ первый вопросъ, «нахмурился и сталъ такъ пасмуренъ, какъ будто между солнцемъ и имъ проходящее тѣло покрыло его мракомъ, свободоязычіе отпряглось изъ одноколки, на которой скакало на двадцативопросной станціи, видя пыль, вертящуюся около роспусокъ съ отвѣтами». По словамъ дѣдушки, «въ прежнія времена врать не

1) *Собесѣдникъ*, III, 160—166.

смѣли, а паче письменно, безъ опасенія». Фонвизинъ не оставилъ безъ оправданія обвинительныхъ пунктовъ. Въ «Письмѣ къ сочинителю Былей и Небылицъ» онъ сознается, что не могъ дать вопросамъ своимъ приличнаго оборота, и объявляетъ, что намѣренъ отмѣнить заготовленные уже вопросы «не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняему въ свободоязычіи, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобъ не подать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію, котораго всей душею ненавижу». Для *Собесѣдника* была приготовлена была «Всеобщая придворная грамматика»; но ея не напечатали.

30-го сентября 1783 года послѣдовалъ высочайшій указъ объ учрежденіи Россійской академіи. 21-го октября того же года происходило открытіе и вмѣстѣ первое ея засѣданіе; въ числѣ членовъ, присутствовавшихъ при открытіи академіи, находился и Фонвизинъ. Цѣлью главныхъ занятій новаго учрежденія поставлено было составленіе словаря и грамматики. Для начертанія правилъ и порядка въ сочиненіи словаря составленъ былъ особый отдѣлъ изъ пяти членовъ академіи: Гавріила, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, Фонвизина, Н. В. Леонтьева, Ст. Як. Румовскаго и И. И. Лепехина. Начертаніе было написано и читано въ засѣданіи 11-го ноября. Оно раздѣлено было на четыре части: въ 1-й разсматривался выборъ словъ и реченій, во 2-й — грамматическое оныхъ употребленіе, въ 3-й — объясненіе ихъ знаменованія, въ 4-й — порядокъ алфавитный [1]). Однако, въ слѣдующемъ году это начертаніе подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Иванъ Никитичъ Болтинъ

---

1) Князь Вяземскій, въ приложеніяхъ къ своей книгѣ о Фонвизинѣ, напечаталъ это «Начертаніе для составленія толковаго словаря славяно-россійскаго языка», равно какъ и замѣчанія Болтина. Но въ письмѣ Козодавлеву Фонвизинъ самъ пишетъ: «Сочинитель примѣчаній, кажется, весьма недоволенъ нашимъ «Начертаніемъ» (Соч., стр. 626). Въ «Краткой исторіи Россійской академіи» г. *Красовскаго* подробно изложенъ ходъ работъ по составленію словаря на основаніи офиціальныхъ актовъ Академіи; тамъ указаны лица, участвовавшія въ словарѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія,* часть LX, отд. III, стр. 25 и слѣд.

представилъ свои примѣчанія на «Начертаніе», и академія по большинству голосовъ согласилась принять нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ перемѣнъ. Главнѣйшая состояла въ томъ, что при изданіи словаря принятъ былъ порядокъ словопроизводный, а не алфавитный. Фонвизинъ въ письмѣ къ О. П. Козодавлеву, члену издательнаго отдѣла, остроумно показалъ нелѣпость многихъ примѣчаній И. Н. Болтина. Собраніе и обработка словъ по буквамъ раздѣлены были между членами Академіи; Фонвизинъ представилъ слова на букву *л*, изъ Архангелогородскаго лѣтописца слова на букву *е* и вмѣстѣ съ преосвященнымъ Гавріиломъ трудился надъ словами на букву *к* [1]). Время показало справедливость Фонвизинскаго «Начертанія для составленія словаря» и опроверженій на планъ Болтина; при второмъ изданіи словаря академія приняла тѣ правила, которыя предлагалъ Фонвизинъ, начиная съ алфавитнаго порядка и до поставленія глаголовъ въ неопредѣленномъ наклоненіи.

Этимъ заключаемъ обзоръ литературной дѣятельности Фонвизина. Не останавливаемся на прочихъ мелкихъ статьяхъ, которыя такъ хорошо извѣстны каждому образованному человѣку, что нѣтъ нужды исчислять ихъ. Въ 1788 году авторъ «Недоросля» думалъ издавать журналъ: *Другъ честныхъ людей или Стародумъ;* но памятникомъ этого предпріятія осталось одно только объявленіе и нѣсколько мелкихъ статей, приготовленныхъ для журнала. Фонвизинъ хотѣлъ снова воззвать къ жизни *Трутень*, *Живописецъ;* въ своемъ *Стародумѣ* онъ хотѣлъ удержать не только направленіе ихъ, но даже и эпистолярную форму, которая такъ срослась съ нашими сатирическими журналами прошлаго столѣтія. Болѣзнь отвлекла Фонвизина отъ журнала; онъ снова предпринялъ путешествіе съ медицинскою цѣлью въ Ригу, Бальдонъ и Митаву (въ 1789 году). Напрасно хлопоталъ онъ о возстановленіи утраченнаго здоровья; 1-го декабря 1792 года кончилась печальная, страдальческая жизнь нашего даровитаго сатирика.

1) Тамъ же, стр. 96, 97.

Къ мѣсту своего воспитанiя, Московскому университету, Фонвизинъ до конца жизни сохранилъ самыя благодарныя чувства, самую теплую привязанноссть. Въ 1787 году напечатанъ былъ *Распускающiйся цвѣтокъ, или собранiе разныхъ сочиненiй и народовъ, издаваемыхъ питомцами учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Вольнаго благороднаго пансiона.* Здѣсь, среди юношескихъ произведенiй питомцевъ пансiона, встрѣчаемъ басню Фонвизина: «Лисица казнодѣй». Въ примѣчанiи издатели *Распускающагося цвѣтка* «изъявляютъ признательность свою къ славному стихотворцу, извѣстному свѣту многими своими громкими сочиненiями, который доставилъ имъ сiю басню для поощренiя ихъ къ дальнѣйшему полученiю вкуса въ свободныхъ наукахъ». Сидя однажды въ университетской церкви, Фонвизинъ обратился съ наставленiемъ къ студендамъ. «Дѣти!» говорилъ онъ, — «возьмите меня въ примѣръ». Подавленный тѣлесными недугами, онъ въ послѣднiе годы жизни любилъ предаваться религiознымъ размышленiямъ и проповѣдывать спасительную силу живой вѣры въ Бога.

I.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ФОНВИЗИНА.